

№3
Март 2008

ТРУССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ЭПОХА
ТЕАТРА
НАТАЛЬИ
БУРМИСТРОВОЙ

*От Внешторгбанка к ВТБ.
Расширяя горизонты...*

Когда мы стремимся к намеченным целям, мы объединяем опыт, знания и силы, чтобы двигаться вперед и подняться на новую высоту.

9 банков в 8 странах СНГ и Европы.
Одно имя — ВТБ.

8 (800) 200-77-99
(звонок по России бесплатный)
(495) 739-77-99 (московский номер)

 Внешторгбанк

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

Главный редактор
Александр Сватиков

Редакционная коллегия:
Вера Церетели, Алла Беженцева,
Инна Кулишова, Арсен Еремян,
Нелли Узнадзе, Донара Канделаки

Художник-дизайнер
Ираклий Кипиани

Технический редактор
Давид Абуладзе

Допечатная подготовка
Давид Элбакидзе-Мачавариани,
Алена Деняга

№3⁽³⁰⁾
Март 2008

Адрес редакции:
Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2;
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.russianclub.ge

СОДЕРЖАНИЕ

НОСТАЛЬГИЯ	ГРУЗИЮ ЛЮБЛЮ...	4
ЮБИЛЕЙ	«В ЕЕ ПРИРОДЕ ЕСТЬ КАКОЙ-ТО МАГНИТ!»	6
БАЛЕТОМАН	МУЗА РУССКОГО БАЛЕТА	10
НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ		13
ТРАДИЦИЯ	ФОРМУЛА ПОЭЗИИ. ЗАЧЕМ ЧИТАТЬ СТИХИ	14
ПЕРЕВОДИМ	ГРУЗИНСКАЯ ПОЭЗИЯ В ПЕРЕВОДАХ ДАВИДА МАРКИША	16
ИЗ ПЕРВЫХ УСТ	«А Я ИЗ ТЕХ, КТО ДОЛГО ШЕЛ К ВЕРШИНАМ...»	19
О, СПОРТ!	«КРЕЙСЕР» СПУСТИЛСЯ С ГОР	22
СООТЕЧЕСТВЕННИКИ	«ДВЕРИ НАШЕГО ЦЕНТРА ОТКРЫТЫ ДЛЯ ВСЕХ»	26
СТИЛЬ ЖИЗНИ	«ГЛАВНОЕ ДЛЯ ЖЕНЩИНЫ - СЕМЬЯ»	29
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ	МЫ С ТОБОЙ ОДНОЙ КРОВИ	32
СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ	ВЫЙТИ ЗАМУЖ ЗА ГРУЗИНА...	35
МУЗЫКАЛЬНЫЕ ОТКРОВЕНИЯ	КОЛОСС ОЛИМПА	40
ВЕРНИСАЖ	КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК, ИЛИ ФАСИНАЦИЯ ВЕРНЕРА РЮДИГЕРА	42
ЛЕНТА ПАМЯТИ	У МИКРОФОНА СОЛИСТ БАЛЕТА	48
ДАРЬЮШКИНЫ ПОСИДЕЛКИ	ПО ЩУЧЬЕМУ ВЕЛЕНЬЮ	50
ПРОЩАНИЕ	МЫ УСТАЛИ ОТ ПОТЕРЬ...	53

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

– Вы спрашиваете, какие ассоциации вызывают у меня слова: «Грузия. Ее люди, история, литература, искусство». Я не могу ответить однозначно, так как для меня Грузия многолика, многогранна. И исходя из этого, у меня несколько Грузий. Есть Грузия театральная, т.к. я – театральный человек. Есть – поэтическая, т.к. я люблю грузинскую поэзию. Есть Грузия «киношная» и это – особый мир. Есть Грузия литературная, т.к. я – читатель грузинской прозы. И, наконец, – реальная Грузия и она имеет связь в первую очередь с исторической Грузией. Приезжаешь в страну, где, к счастью, (пока что) не высятся гиганты из стекла и бетона. Сюда приезжаешь потому, что здесь особая атмосфера, воздух, люди.

Наверное, не скажу ничего нового, но быть гостем Грузии это – большая работа. С одной стороны это праздник, который тебе устраивают хозяева, а с другой – жертвоприношение в угоду этому празднику, так как нельзя ни от чего отказываться. Гостеприимство, воспетое сотни, тысячи раз, ты испытываешь на себе.

В этой стране царит высокий дух человечности, взаимоуважения, нежного интереса к тому, что ты делаешь. Поэтому я так люблю приезжать сюда не один, а со своим театром.

Марк Розовский,
Художественный руководитель
театра «У Никитских ворот»,
народный артист России

Любой спектакль, показанный здесь, приобретает какой-то суперуспех, в искренность которого хочется верить. Играть в Грузии значит подвергать себя экзамену на понимание. А поскольку зрители здесь очень чутко чувствуют, что есть образ, что есть фантазия, что есть душа и ее тайны, то получить отзыв от такой аудитории – лучшая награда для тебя.

Здесь живут неистовые темпераменты и для того, чтобы их взволновать, необходим твой темперамент, ибо они должны почувствовать тебя своим; а как это сделать, если ты сам не грузин?

Я преклоняюсь перед грузинской культурой и людьми, живущими на этой земле прежде всего потому, что они умеют извлекать человечность из всего и всегда. Образным мышлением здесь обладают и высокие профессионалы искусства, и любой повар, который творит хаши, и дворник, который метет улочку в старом Тбилиси. Здесь поэтом может показаться и какой-то извозчик, и какой-то художник, который малюет стены в трактире, что не раз здесь подтверждалось. Но, конечно, здесь властвует мудрость, как правило, соединенная с юмором.

Здесь из мужчин извергаются всем знакомые рокоты и хрипы на низких тонах, а женщины смотрятся величественными и прекрасными, почему-то, особенно, в профиль. Эти профили незабываемы.

Вот эта тяга к образам, присущая всему народу, мне лично очень близка. Здесь умеют восторгаться чужим и хранить свое.

Всякий раз, когда я еду сюда, я стараюсь прочитать какое-нибудь стихотворение любимого поэта, чтобы «настроить себя» на Грузию. Благо, мой друг Юрий Ряшенцев замечательный переводчик грузинской поэзии (Табидзе, Яшвили и многих других) предоставляет мне такую возможность. Собираясь к вам на этот раз, я открыл для себя Бальмонта, переводившего Руставели. Отрывок назывался отлично от оригинала не «Витязь в тигровой шкуре», а «Боец в барсовой шкуре». Для меня этот перевод оказался непривычным, но дальше потекла такая изумительная музыка, возникла такая красота словесной вязи, что я подумал: «Боже мой, если это так хорошо звучит по-русски, то, как должно быть потрясающе в оригинале!» Я хочу этим сказать, что наши культуры неразъемны! И пусть в сегодняшней Грузии возникли безответственные дураки, которые убирают из учебных программ курс русской литературы, то, что уже сделано, никому не удастся ни вычеркнуть, ни испоганить.

Конечно, в новой Грузии, как и в новой России много противоречий и много трудностей роста, и мне как гражданину России не пристало судить о том, что является внутренним делом Грузии, но мы не можем разойтись в разные стороны, предать то, что связывало нас на протяжении веков, отбросить общую веру, пренебречь историческим единением наших культур. Мы обязаны перед нашими детьми и потомками сделать все, чтобы наши дыхания в истории и впредь были синхронными.

Все политики и, тем более, политики это – временщики. Будем помнить об этом. А они должны об этом знать. Мы будем налаживать новые мосты, и эти мосты культуры могут оказаться единственными связями между людьми. Именно людьми. Потому, что связи не нужны только нелюдям.

Мы приехали на фестиваль «Сачукари» («Подарок») для того, чтобы подтвердить верность нашей любви друг другу. И мы получили со своим спектаклем «Собаки» замечательный отклик. Этот отклик для нас – высшая ценность и высшее признание.

Тбилиси – город огромной театральной культуры. Это город мастеров. Здесь знают, как высоко может искусство поднимать человека, и нам всей душой хотелось бы соответствовать этому уровню.

Хочу рассказать вам об одном дне моей жизни. Я получил звание народного артиста России и, представьте, именно в этот день я был приглашен в галерею Зураба Церетели на прием в честь приезда в Москву Президента Грузии М. Саакашвили. Прием был грандиозный, как и все, что делает Церетели. Мощное застолье, одним словом, а я, в силу того, что днем узнал о новом звании, позволил себе немного лишнего. Правда, этому содействовали друзья и знакомые, которые чокались и чокались со мной. Наконец, наступил финал вечера и мимо нашего стола проходил, в окружении многочисленной охраны, М. Саакашвили. Что-то (быть может, то приподнято-эйфорическое состояние, в котором я находился) дернуло меня обратиться к нему. Я сказал: «Господин Президент, изви-

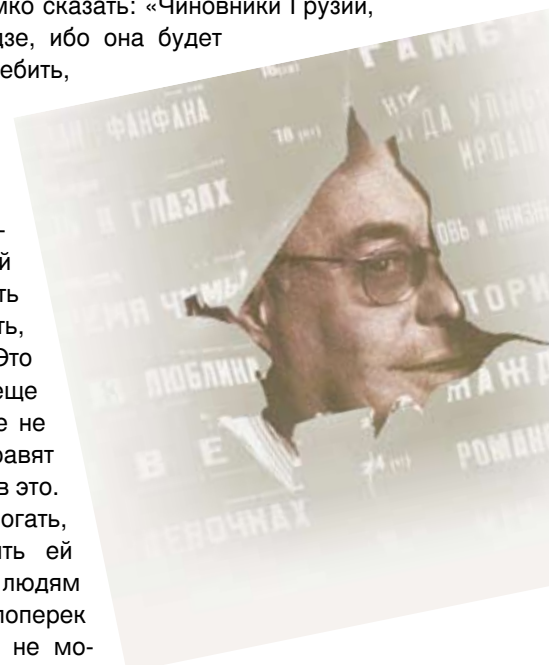
ните, что обращаюсь к Вам с советом». Саакашвили остановился и недоуменно посмотрел на меня. Я продолжил: «Пожалуйста, сделайте все возможное, чтобы обеспечить процветание великого грузинского театра. Пожалуйста, берегите его, как зеницу ока!» Все это я выпалил, держа в руке рюмку. «Да, да, хорошо, хорошо», – сказал Президент, улыбнулся и пошел дальше. Он согласился со мной. Так что, хотите вы или не хотите, но лично мне он пообещал, что все будет в порядке. Находясь в Грузии, я вспомнил об этом эпизоде и, встречаясь с театральными людьми, вспоминаю этот случай и надеюсь, что Президент Грузии сдержит данное мне, правда мимоходом, слово.

В этот мой приезд меня в очередной раз потрясли две женщины – Кети Долидзе и Гуранда Габуния. Кети – «мать-героиня» фестиваля «Сачукари». В тяжелейших условиях она упорно тянет эту нелегкую лямку, т.к. всем своим существом предана театру и фестивалю и питает огромную любовь к людям театра.

Мне хочется громко сказать: «Чиновники Грузии, бойтесь Кети Долидзе, ибо она будет вам надоедать, теревить, не даст жить спокойно, но это не капризы или дурной характер. Кети – фанатик театра, фанатик фестиваля. За ней дух, желание творить добро, нести радость, служить высокому. Это счастье, что есть еще такие люди, что еще не всем и не всеми правят деньги. Вдумайтесь в это. Вы обязаны ей помогать, вы должны говорить ей только «да!» Таким людям нельзя становиться поперек дороги: «Сачукари» не может и не должен погибнуть. Я преклоняюсь перед Кети Долидзе и всегда бесконечно рад встрече с ней.

Гуранда Габуния – замечательная актриса – тоже шаровая молния. Ее юмористический неподражаемый язык, с которого слетает столько образов, столько метафор, что рядом с ней все таланты меркнут и кажутся маленькими. Я восхищаюсь этой настойчивостью. Она и ее супруг, блистательный Отар Мегвинетухцеси – замечательная актерская пара. Когда они приезжают в Москву, у нас в доме – праздник.

В Москве раз в год устраиваются встречи с «аксакалами» СТД бывшего Советского Союза. Мы с нетерпением и радостью ждем своих коллег из Грузии. и когда они, преодолевая все препоны, все-таки добиваются до нас, то праздник приходит в наш общий дом, имя которому – Театр.

Записала **Донара КАНДЕЛАКИ**

«В ЕЕ ПРИРОДЕ ЕСТЬ КАКОЙ-ТО МАГНИТ!»

Наталье Михайловне Бурмистровой исполняется 90. Само звучание этого имени рождает у тбилисцев множество волнующих воспоминаний, ассоциаций, ощущений. Потому что Бурмистрова – это красота, обаяние, стиль. Бурмистрова – это талант, вдохновение, жизнелюбие. Бурмистрова – это Театр... Слово – тем, кому посчастливилось соприкоснуться с ее даром, актерским и человеческим.

ВИКТОРИЯ СИРАДЗЕ:

- Тонкое, совершенное искусство этой удивительной актрисы берет свое начало в глубинных недрах жизни небалованного судьбой простого человека из народа. И неудивительно, ведь очень молодая Наталья Михайловна прибыла в Грузию уже с солидным житейским и профессиональным опытом. С самых первых постановок на сцене театра имени А. С. Грибоедова ей удалось покорить людей своей высокой сценической культурой, художественной манерой, индивидуальным почерком. Всегда играла легко и просто, страстно и горячо, правдиво и убедительно, искренне и трогательно; свободно владела чувствами зрителей. Всеми силами души и сердца она отдавалась каждой роли.

Я хорошо помню почти все спектакли с ее участием: «Бесприданница» Островского, «Живой труп» Толстого, «Чайка» Чехова, «Иркутская история» и «Таня» Арбузова, «Коварство и любовь» Шиллера, «Нора» Ибсена, «Потопленные камни» Мосашвили, «Единственный свидетель» братьев Тур, «Барабанщица» Салынского, «Двое на качелях» Гибсона... Сильная, волевая и умная, стройная и красивая, трепетная и гордая, она работала всегда страстно и самозабвенно. Поражали ее неутомимая энергия, необычайная трудоспособность, профессиональные навыки, знание жизни и человека, серьезность игры, пластика, ритм, тщательная продуманность каждого движения – поистине сплав таланта значительной и обаятельной лич-

А.Арбузов «Таня» - Таня

ности. И еще нечто завораживающее зрителей. Вряд ли по рассказам возможно зримо представить себе искусство любимейшей актрисы, постичь могучую и удивительную силу ее дарования, духовного и эмоционального воздействия. Конечно, работы актера надо видеть собственными глазами, самому почувствовать силу его таланта, глубину его чувств, которые волновали, радовали, потрясали зрительный зал в тот час.

Работая в высших эшелонах власти Грузии, я часто общалась с Натальей Бурмистровой и не раз убеждалась, как много у нее достоинств. И это проявлялось во всем – в отношении к искусству, к людям, к явлениям действительности, в ее гражданской ответственности за театр и за себя.

Свидетельством гражданских и творческих достоинств личности актрисы явилось ее избрание (дважды!) депутатом Верховного Совета Грузии. В эти годы проявилась присущая ее натуре потребность активно участвовать в судьбах людей, всемерно помогать им,

участвовать в принятии важных государственных решений...

В последние годы, после перестройки, развала страны, разрухи и краха вечных ценностей жизни, мы изредка общаемся по телефону, обсуждаем реалии материального обнищания и духовного обеднения людей, дурманящую зрителя жизнь «из телевизора», в которой господствуют «развлекуха», ложь, жестокость, насилие и секс. Да, наше будущее – в прошлом, как сказал Мэлор Стуруа. Остается только пожелать Наталье Михайловне много тепла от окружающих и добра в десятом ее десятилетии!

ГАЙОЗ ЖОРДАНИЯ:

- Помню, я только пришел в театр имени Грибоедова. Это было летом. Иду я как-то по улице Сулхан-Саба и вижу перед собой женщину. Она была идеально сложена и гордо несла свою красивую, величественную фигуру! «Кто эта женщина?» – заинтересовался я. И вдруг она оглянулась. «Боже мой, да это же Наталья Михайловна! - воскликнул я, узнавая актрису. – Здравствуйте! Какая вы прекрасная!» – «Да? Очень приятно!» - ответила она. Пришли в театр. Через некоторое время Бурмистрова поднялась ко мне и спросила: «Скажите честно, на сколько лет я выгляжу?» – «На сорок три!» – «Нет, давайте условимся – на пятьдесят три!» - возрадила актриса, улыбаясь. Наталья Михайловна, даже будучи в возрасте, выглядела просто прекрасно – живые, молодые глаза, изумительная, мраморная кожа. Настоящая русская красавица, аристократка. В ней есть особое благородство и доброта. А актриса? Она была великолепна! Потрясающий профессионализм... Жизнь примдонны в театре сложна. Вокруг них всегда нездоровые разговоры. Обычно у примдонн свои причуды. Как правило, они ипохондрики, истерички. Но Наталья Михайловна была исключением. Она была принципиальная, но кроткая в работе. Все время шла навстречу, анализировала, просила объяснить то или иное режиссерское решение. Я объяснял... Бурмистрова приходила на следующую репетицию и все делала блестяще. Иногда Наталья Михайловна подчинялась режиссеру как ребенок. Случалось, вступала и в полемику, но поспорить с ней было интересно. Никогда после спора не оставалось неприятного осадка, как это часто случается. И при этом – великолепный партнер. Бурмистрова не тянула на себя актерское одеяло, не выпячивала себя. Всегда играла главное – явление, то, что продиктовано предлагаемыми обстоятельствами.

В театре всегда существовала и существует зависть, но казалось, что это ее не касалось. Настолько

она была величественна и великолепна! С ней приятно было посидеть, поговорить. Мне довелось с ней поработать на репетициях спектаклей «Дорогая Памела» и «Старомодная комедия»... Все говорят о ее «Барабанщице». Зрители приходили на этот спектакль вовсе не только для того, чтобы посмотреть, как Бурмистрова раздевается. Ее работа была настолько глубока, что спектакль оставлял очень грустное чувство. Зрители восторгались и плакали... Она великолепная актриса реалистической школы. Есть у Натальи Михайловны и комедийный дар. Это была высокая комедия!

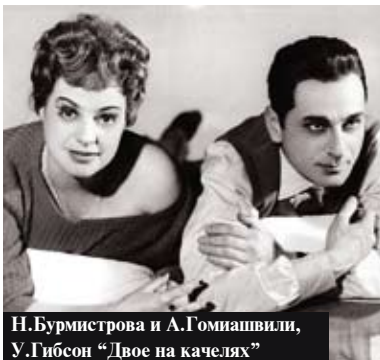
Помню ее работу в спектакле «Странная миссис Сэвидж». Обычно, когда наши актеры изображают иностранцев, возникает чувство неловкости – слишком уж получается искусственно. А у Бурмистровой этого не было: ее миссис Сэвидж была настоящая! Органически жила на сцене. В этой органике она сверкала как звезда. С Натальей Михайловной всегда приятно быть рядом – хочется к ней прикоснуться, приласкать. К ней тянет – в ее природе есть какой-то магнит.

ИРИНА ГОЦИРИДЗЕ:

- Очаровательная женщина, красавица, она быс-

А.Чехов «Чайка» - Нина Заречная

Н.Бурмистрова и А.Гомиашивили,
У.Гибсон «Двое на качелях»

На гастролях в Москве, 1958

Н.Бурмистрова, 1954

И.Эркенъ «Кошки-мышки»

тро завоевала симпатии зрителей. Публика шла «на Бурмистрову». Она органично вписалась в актерскую среду, в грузинское общество. На нее строился репертуар театра. Одна за другой следовали блестяще исполненные роли. Одна из них – Нила Снижко в «Барабанщице». Ее искрометный танец вызывал восторг зрителей. Независимо от жанра Бурмистрова всегда покоряла зал своим обаянием и манерой исполнения... Как хорошо она говорит о себе: «Я родилась, чтобы жить в Грузии. Здесь меня окружили заботой и вниманием. Рядом были близкие люди, дорогие моему сердцу. Здесь я служила любимому делу, значит, жизнь моя была прожита не зря!» И это правда!

Просматриваю пожелтевшие от времени афиши: «Барабанщица», «Иркутская история», «Бесприданница», «Чрезвычайный посол», «Двое на качелях», «Миллионерша», «Требуется лжец», «Чайка»... В спектакле «Уступи место завтрашнему дню» Наталья Бурмистрова сыграла первую возрастную роль. Партнером был Мавр Пясецкий. Волнующие образы в их исполнении пронзили сердца зрителей, зал плакал в сцене расставания героев. Да разве перечислить все спектакли, с блеском сыгранные Натальей Бурмистровой? Она прожила яркую творческую жизнь на сцене Грибоедовского театра со всей мощью своего огромного дарования и обаяния.

Наталье Бурмистровой исполняется 90 лет. Дорога, которая привела ее к этой дате, усыпана цветами, освещена восторгом и любовью зрителей – поклонников ее большого таланта. Когда она шла в любимый театр, ее сопровождали восхищенные взгляды прохожих, а вековые платаны, украшающие проспект Руставели, шелестя своей листвой, шептали ей ласковые слова и... «браво!». И сегодня она обладает светлым умом, отличной памятью и твердо верит в мудрость пословицы «Что на роду написано, то и будет!» Она верит, что у каждого человека своя судьба, и эта судьба неотступно следует за ним, как тень... Дорогая Наталья Михайловна! Здоровья Вам и еще раз здоровья!

МЕДЕЯ ЧАХАВА:

- Мы, актрисы одного периода, начинали почти вместе. Она приехала в Тбилиси молодой актрисой, подающей надежды, и мы вместе начали расцветать. Наташа иногда упрекала меня, что я не видела многих ее работ... Но я была так занята тогда – практически каждый вечер выходила на сцену и просто не могла выкроить свободный вечер. А вот сейчас у меня есть время, но, увы, Наташа по болезни рассталась со сценой... Я столько слышала восторженных откликов на роли, сыгранные ею! Мои родители часто ходили на спектакли театра имени Грибоедова и даже сравнивали наши с Наташей работы. У меня всегда было к ней самое теплое отношение. Наташа меня никогда не считала соперницей, хотя нас, естественно, сравнивали. Тем более, что иногда мы играли одни и те же роли. Общность наших творческих биографий сблизила нас. И меня всегда подхлестывало, что я не хуже Наташи!..

Мы редко общались, но очень любили друг друга.

Больно, что она осталась одна. А ведь у нее была такая опора, талантливый друг – Игорь Злобин. Наташа глубоко переживала его уход. Она осиротела, одной ее «половине» стало очень тяжело. Наташа – великая актриса... Жаль, что болезнь не позволяет ей вернуться на сцену. Мне хочется пожелать ей здоровья и еще раз здоровья!

АРИАДНА ШЕНГЕЛАЯ:

- В 1963 году, когда я пришла в театр имени Грибоедова, царила эпоха Натальи Михайловны Бурмистровой. Она была для меня символом! Красивая, стройная, поющая, танцующая, умная, остроумная, собирающая толпы поклонников, ведущая репертуар театра. Наталья Бурмистрова – это интересные, яркие спектакли и переполненные залы. Помню свой первый восторг... Да, это была эпоха Натальи Бурмистровой!

ГИГА ЛОРТКИПАНИДЗЕ:

- Большим театральным явлением оказалось выступление Натальи Бурмистровой в спектакле «Барабанщица», когда она стала любимицей тбилисской публики. Все мужчины – полгорода были в нее влюблены. Это неудивительно – она была такая эффектная, красивая, талантливая: довольно редкое соединение качеств! Бурмистрова – настоящая актриса, и при этом трудоспособная, вдумчивая, с четким гражданским отношением к своей роли, к пьесе! Она не шла к роли только по наитию, но умела анализировать. Наталья Михайловна органично вошла в театральную жизнь Грузии, Тбилиси. У нее было много возможностей уехать в Москву, Ленинград. Мой учитель Георгий Товстоногов говорил мне, что предлагал Бурмистровой перейти в БДТ, но она отказалась... Наташа и ее муж Игорь Злобин были активными участниками театральной жизни города. Помню замечательные выступления, литературные и художественные экспромты Игоря на всех юбилеях... Наташа – этот тот случай, когда русская актриса стала любимицей грузинского тбилисского зрителя. Мне посчастливилось встретиться с ней несколько раз в работе – не только когда я сам ставил спектакль, но и когда выпускал премьеру в качестве художественного руководителя. Особенно мне запомнилась встреча с ней в работе над спектаклем по пьесе Ветлингера «Человек со звезды», в котором Наталья Михайловна сыграла сразу пять ролей. Ее партнерами были Юрий Шевчук и Арчил Гомиашвили. Это был праздник театра! Наташа проявила не только присущую ей органику, правдивость, но и удивительную способность к перевоплощению – она создала пять совершенно разных образов. Мы получили от этой работы большое удовольствие... Помню ее в спектакле «Уступи место завтрашнему дню» Дельмара, в котором ее партнером был замечательный Марк Пясецкий. Они составили прекрасный актерский дуэт.

Наташа была настоящей актрисой школы МХАТа. Во всех своих ролях она была очень правдива, ее сценические действия были всегда психологически оправданы. Недавно она сказала, что я умею логически точно выстроить пьесу. А она была мастером,

ярким представителем русского реалистического психологического театра, театра Островского, Чехова, Горького. Она не выносила на сцене балагурство, наигрыш...

Жаль, что Наташа уже столько лет вне театра. Кроме уважения к искусству Бурмистровой, я испытываю к ней чувство любви – чисто по-человечески. Она очень принципиальный, строгий и вместе с тем очень добрый человек. Такие актеры, как Наташа, необходимы театру не только своими ролями, но и самим своим существованием, они играют большую роль в жизни театра. Она фундаментально укрепляла

На презентации книги воспоминаний

театр. При Наташе нельзя было халтурить ни на сцене, ни на репетиции. Она умела отдаваться творческому процессу полностью, и того же требовала от других.

ИРИНА МЕГВИНЕТУХУЦЕСИ:

- Когда я сыграла одну из своих первых ролей в премьерном спектакле «Доходное место» Островского, Наталья Михайловна подарила мне набор матрешек и открытку с добрыми напутствиями... Признаться, это стало для меня огромной неожиданностью. Ведь Наталья Михайловна всегда была и остается для меня актрисой-легендой, окруженной тайнами. И вдруг – такое внимание ко мне, молодой, начинающей актрисе со стороны большого мастера. Это показалось мне тогда хорошим знаком, откровением и признанием. И в дальнейшем я чувствовала со стороны Бурмистровой расположение. Почему? Не знаю... Я всегда обожала стиль Наташи Бурмистровой. В любой ситуации она оставалась и остается женщиной. Помню, Наталья Михайловна лежала в госпитале, и я навестила

ее. Обстановка палаты была далека от комфорта, тем не менее, на столике актрисы лежал флакон французских духов. Ее женственность мне всегда безумно нравилась...

ВАЛЕРИЙ ХАРИЮТЧЕНКО:

- Как-то я ехал в такси, завязался разговор. Водитель, симпатичный, веселый человек, узнав, что я актер театра имени Грибоедова, спросил: «Как там наша Наталья Бурмистрова? Мы ведь все были влюблены в нее». «Как это?» – поинтересовался я. «Да очень просто. Сначала в нее тайно влюбился мой отец, мать даже ревновала его. Правда, Наталья Бурмистрова ей самой очень нравилась. А мой дядя даже подтрунивал над отцом, дразнил его странным тогда для меня словом «поклонник», при этом он как-то хитро подмигивал. Но когда дядя сам впервые попал в театр и увидел «Барабанщицу», то погрузился и сказал отцу, что он его понимает. Пришла пора и моей влюбленности. В Грибоедовский театр нас впервые повели всем классом – тогда это называлось «культпоход». И смотрели мы спектакль, который, кажется, назывался «Уступи место... какому-то дню». «Завтрашнему!» - напомнил я. «Да, завтрашнему!.. Очень печальная история. Потом мы даже писали сочинение на тему этого спектакля, и я назвал тогда Наталью Михайловну своей самой любимой актрисой, с самого первого взгляда, потому что через нее я узнал, что такое настоящий театр. Так что можно сказать, что вся наша семья любила и любит эту актрису». Мы доехали. Я достал бумажник, но таксист замахал руками и сказал, что ни за что не возьмет денег с человека, который работает с самой Бурмистровой.

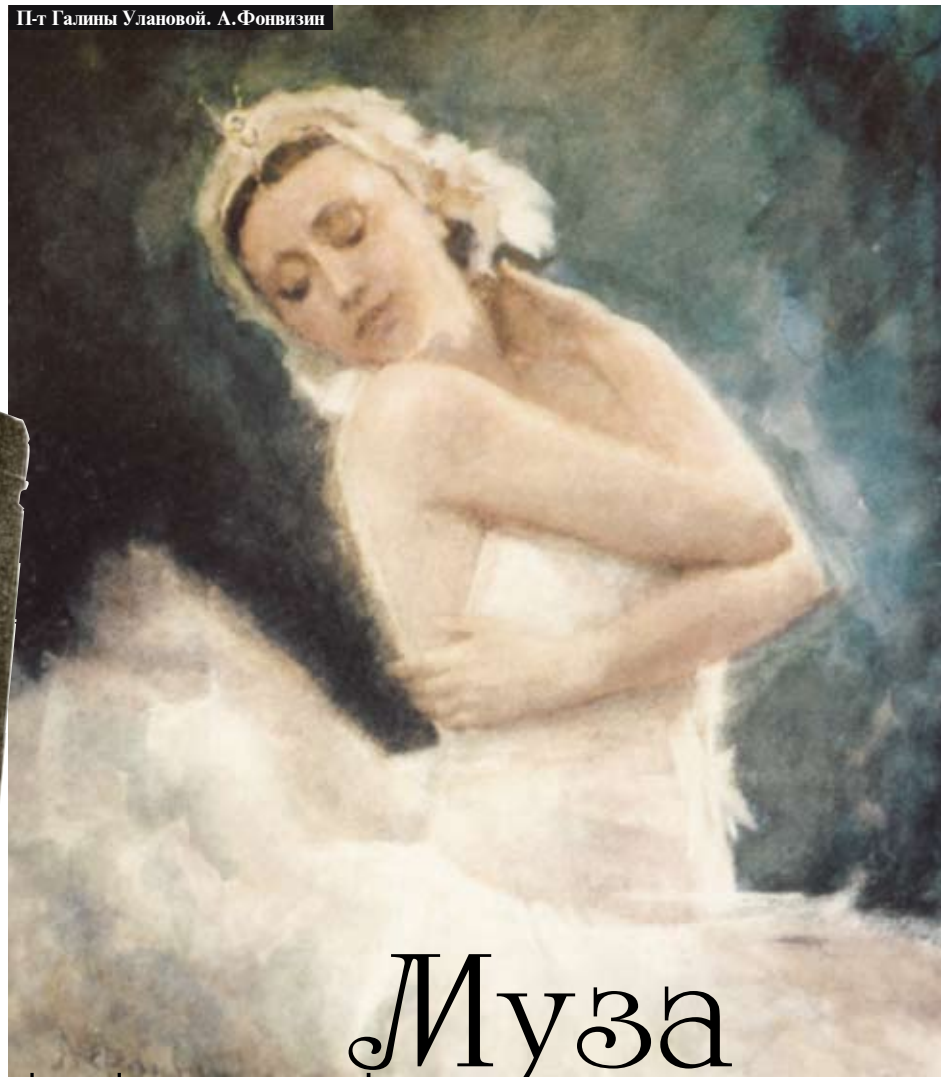
Целую жизнь прожил я в Грибоедовском театре рядом и вместе с Натальей Михайловной. Я всегда восхищался этой замечательной актрисой, учился у нее. Формат журнала не позволяет сказать всего, что хочется. Но таксист был прав: она работает. Работает даже сейчас, в период своей тяжелой болезни. Семь долгих последних лет Наталья Михайловна прикована к постели, но она не теряет мужества. Ее жизненной энергии можно только позавидовать. В том, как она мыслит, в ее воспоминаниях о прошедшей, наполненной разнообразными событиями жизни, о театре – во всем пульсирует ее яркая личность. Несмотря ни на что, проглотив очередную пилюлю горького лекарства, она не теряет чувства юмора и продолжает свой мастер-класс. Светлым, добрым талантом наградила Господь этого человека. В свое время я сыграл в пьесе Ставицкого «Улица Шолом-Алейхема, 40» сына Наташи Бурмистровой. Так сложилась жизнь, что последние семь лет мы стали большими друзьями, близкими людьми. И в день юбилея я желаю дорогой Наталье Михайловне, поистине народной артистке, любимой несколькими поколениями тбилисцев, любимой театром, которому она верно служила всю свою жизнь, сил, терпения, радости и вдохновения.

Материал подготовила **Инна БЕЗИРГАНОВА**

П-т Галины Улановой. А.Фонвизин

Галина Уланова

Муза русского балета

Мир воспринимал Галину Уланову как возвышенный идеал, как прекрасную мечту о совершенстве. Ее имя обладало огромной притягательной силой. Ее не только любили, ее – боготворили, называя совестью русского балета.

«В танце она поэт. И как у великого поэта, у нее свой поэтический мир, свой стиль и собственный непостижимо прекрасный образ» (Иракий Андроников).

«Ее талант по ясности и прозрачности напоминает талант Моцарта» (Алексей Толстой).

«О ней рассказать так же трудно, как о девятой симфонии Бетховена» (Вениамин Каверин).

«Она принадлежит другому измерению», – писал Сергей Эйзенштейн, пытаясь выразить в графической схеме танец Галины Улановой.

А ведь она не только не хотела быть балериной, она не имела для этого идеальных данных. От приро-

ды небольшой шаг и прыжок. «Холодноватая», робкая, вечно потупленный взгляд, вся в себе, как замкнутый круг, такой шепот сопровождал ее в долгие ученические годы. Но она владела редким свойством исправлять свои природные недостатки и обращать их в достоинства. На выпускном спектакле Ленинградского хореографического училища она покорила всех затаенностью чувств, хрупкой непроницаемостью. Ее стелющиеся полеты, почти не касаясь пола, создавали впечатление невесомости бесплотного духа.

В студенческие годы в Москве мне посчастливилось видеть Галину Уланову на сцене Большого театра. Пересмотрев репертуар примы, я рискнула взяться за перо и написать статью о своем кумире. Даже сейчас, спустя столько лет, я не могу без волнения вспомнить свой журналистский дебют – можете представить, какие эмоции захлестнули студентку, статью которой о великой Улановой «Всегда мелодия» напечатали в журнале «Советская женщина».

Помню, что первой меня поздравила коллега по МГУ ныне известный театровед Татьяна Шах-Азизова, дочь легендарного директора Грибоедовского театра, театрального деятеля Константина Язоновича Шах-Азизова.

Да, прошли годы, но я по-прежнему не могу писать об Улановой без душевного трепета.

С виду танец Улановой прост. Он прост «пушкинской» простотой. Это и есть легкая гармония, чудо, отличающее подлинную классику гения, будь то Моцарт, Рафаэль или Чехов. Мне довелось соприкоснуться с двумя гениями балета Вахтангом Чабукиани и Галиной Улановой. Не случайно Андрей Баланчивадзе отметил: «Я не знал артистов балета, которые умели бы воздействовать на зрительный зал сильнее Улановой и Чабукиани». С Вахтангом Михайловичем меня связывает много лет дружбы. Каждое воспоминание о нем представляет особую ценность. Помню, как Чабукиани рассказывал об Улановой во время одной из наших встреч в его доме. Обычно такие воспоминания звучали, когда он получал от Галины Сергеевны поздравления ко дню своего рождения. «Это от Гали, — говорил он, внимательно вчитываясь в текст. — Когда я слышу ее имя, я возвращаюсь в юность, вместе мы учились в Ленинградском хореографическом училище, вместе начинали свой путь в большое искусство. Помнится, это был 1935 год. Ваганова, задумав поставить балет «Эсмеральда», включила в спектакль

па-де-де Дианы и Актеона специально для нас обоих. Галина была эфемерная, хрупкая, нежная. Танцевала она Диану бесподобно, создав утонченный, предельно женственный романтический образ. В ней была своя загадка. Этим она притягивала. А в поддержках она была такая легкая, что казалось, ты едва коснешься, и она уже улетит».

«Мы жили на сцене одними чувствами, одним дыханием. Танец лился у нее подобно музыке, очаровывая богатством пластических нюансов, — продолжал рассказывать Чабукиани. — Эта необыкновенная музыкальная выразительность меня тогда поразила. Я загорелся идеей поставить номер для нас обоих. И сочинил «Фантазию» на музыку Шумана. Мелодия как бы переходила в движение, зримо воплощалась на сцене. Мы часто танцевали «Фантазию» в концертах. Встречались в спектаклях. Нас развела война. Со временем Галина переехала в Москву, я вернулся в Тбилиси. У Галины был уникальный пластический дар и виртуозная природа одухотворенности. То, что я видел в ней в наши юные годы, осталось в ней до конца выступлений на сцене».

Композитор Алексей Мачавариани как-то обронил фразу, что дуэт Вахтанга Чабукиани и Галины Улановой в балете «Отелло» был бы единственным и в своем роде неповторимым.

Когда однажды журналист спросил Галину Сергеевну, как часто она испытывает вдохновение, она

«Ромео и Джульетта»

«Бахчисарайский фонтан»

ответила: «До спектакля волнение, после спектакля усталость и часто неудовлетворенность. Если мне предстоит сцена в саду, я спрашиваю, какие кусты в нем растут и какие цветы на нем. Я выхожу на сцену и, танцуя, ощущаю аромат этих цветов».

«Мне вспоминается парижская «Жизель» во время европейского турне балета Большого театра. Участники этого спектакля рассказывали, что во время сцены сумасшествия ими овладел леденящий страх — так изменилось лицо Улановой, таким подлинным показалось ее горе» (из мемуаров дирижера Юрия Файера).

«Некоторые сцены и роли Улановой проводились с неподвижным лицом, и в этих случаях впечатление было почти гипнотическое. Но там, где возникала мимическая игра, действие строилось как мимическая

партитура» (из книги В. Гаевского «Дивертисмент»).

Планетарная слава приходит к великой балерине сравнительно поздно. В 1956 году Большой театр впервые выезжает на гастроли в Англию. В зрительном зале элита мировой культуры – Лоуренс Оливье, Вивьен Ли, Тамара Карсавина. Балет «Ромео и Джульетта» с участием Галины Улановой производит под-

фонтан». На сцене она, как великая актриса, умела передать и трагедию последних мгновений жизни. И эта сопричастность с великим мастером дарила нам чарующие минуты, потрясала...

А сколько осталось нереализованных замыслов! Она мечтала станцевать Даму с камелиями, Эсмеральду, Жанну д'Арк, сожалела, что не снялась в роли Анастасии в фильме Сергея Эйзенштейна «Иван Грозный».

Вне сцены я видела Галину Уланову несколько раз. Встречи были мимолетные, но однажды мне довелось побывать у нее дома. Съёмочная группа Грузинского телевидения снимала документальный телефильм по моему сценарию «Чародей танца» о творчестве Вахтанга Чабукиани. Своими воспоминаниями о легендарном танцовщике делились выдающиеся звезды балета. Предварительно надо было договориться с Галиной Сергеевной о предстоящей съемке. Интервью должен был вести Котэ Махарадзе. Не без волнения задержалась я на несколько минут перед квартирой в высотном доме на Котельнической набережной. Дверь открыла сама Уланова. В выразительном лице, изящной женственности я искала следы того, что видела на сцене. Пригласила войти. Квартира без особой роскоши. Старинная мебель. Огромное зеркало, очевидно, предназначенное для занятий.

Галина Уланова на даче с любимым пуделем

линную сенсацию. Прославленная английская прима-балерина Марго Фонтен воскликнула в порыве восхищения: «Это магия. Теперь мы знаем, чего нам не хватает».

«Это было истинное шекспировское возрождение. Восторженная публика следовала за машиной Улановой до отеля», – отмечала лондонская пресса.

«Покорить мир в таком возрасте, когда ей было уже за 46 лет – это своего рода артистический подвиг», – писал в своих заметках Асаф Мессерер.

Последний раз я видела Уланову в балете «Шопениана» Это был ее последний спектакль на сцене Большого театра. Среди застывших вилис глаз мгновенно находил Уланову, самую юную и самую целомудренную. Ее движения, и не только движения, но и минуты покоя, скульптурные позы неподвижности были исполнены ей одной присущей пластической гармонии. Ее Сильфида выглядела подобно тончайшей акварели. Она словно слышала неслышимые звуки мелодических узоров. То был далекий загадочный зов. Она дополнила Шопена, донеся до зрителя это трепетное состояние. И зритель стонал от восторга.

Парадокс: великая балерина танцевала сравнительно немного партий, но каждый танец становился шедевром. «Ее умирающий лебедь Сен-Санса – непревзойденный», – как-то высказалась знаменитая балерина Марина Семенова. Лебедь покорялся неизбежности с благородным покоем. В схватке со смертью все усилия были отданы последнему порыву взлететь, а спокойное величие было просветлено чем-то неведомым, сильным, познанным за миг до конца.

А знаменитые дуэты с Константином Сергеевым – это были прорывы в высочайшие пласты духа.

В историю балета вошел и эпизод смерти Мари – Улановой из балета Астафьева «Бахчисарайский

На стене портрет балерины в роли Джульетты. Много картин, балетных зарисовок. Среди снимков фотография киноактрисы Греты Гарбо, она привлекала Уланову своим искусством и обликом. Многие находили, что у этих великих актрис много общего. Обе замкнутые, оберегающие свой внутренний мир, хранящие свою тайну. Они остались самими загадочными звездами своего времени. В жизни они так и не встретились.

Особый уют в квартиру вносил серый пудель. Мне хотелось рассказать Галине Сергеевне о любви Вахтанга Михайловича к своим четвероногим друзьям, но я только спросила: «Как звать очаровашку?» - «Большой. Ему уже много лет», – сказала Галина Сергеевна и провела рукой по шерстке любимца. Она согласилась дать интервью, но отказалась сниматься, ее голос был наложен на фотоснимки.

Накануне в Ленинграде я познакомилась с замечательной балериной и обаятельным человеком Татьяной Вечесловой. Общение с ней было на редкость приятным. Она передала мне для Вахтанга Михайловича несколько уникальных фотографий. На одной из них была надпись: «Благодарю тебя и судьбу за нашу встречу в искусстве». «Мы все вместе начинали свою сценическую жизнь. С Галей с детства дружили, еще до поступления в балетную школу, – рассказывала Т. Вечеслова. – Хрупкая с виду, Галина обладала огромной волей и поразительной работоспособностью. Среди ореола славы сохранила удивительную скромность. Редко присутствовала на приемах и официальных встречах. Знаменитый импресарио Сол Юрок отметил, что со времен Шалаяпина и Анны Павловой ему приходилось работать со многими знаменитостями, но Уланова подлинный уникум. Она самая непритязательная артистка из всех, с кем ему приходилось встречаться. Со сцены Галина ушла, не позволив

никому заметить, как с годами слабеют ноги и силы уже не выдерживают физическую нагрузку. Зная, безжалостную краткость нашего искусства, мне сколько раз хотелось крикнуть: «Остановись время! Не будь жестоким к таланту. Но увы!..»

В Грузию Уланова приезжала в сентябре 1968 года. Тогда она уже не танцевала. Однако одно ее появление в зале театра оперы и балета им. З.Палиашвили с Вахтангом Чабукиани вызвало неописуемый восторг зрителей. На другой день Галина Сергеевна с Екатериной Максимовой и Владимиром Васильевым были в гостях на даче в Цхнети у Зураба Кикалейшвили. «У Галины Улановой такой ореол славы! И тут принимать ее у себя дома, я так нервничала, – делилась воспоминаниями жена Зураба, Циала Аминадовна. – Я была в положении. Галина Сергеевна заметила это, и сама активно подключилась к сервировке праздничного стола. Во время застолья она держалась скромно и непретенциозно, внимательно слушала собеседников. Говорила, что неизгладимый след оставила поездка на родину Важа Пшавела – в село Чаргали. Выступив по Грузинскому телевидению в интервью с Этери Гугушвили, Галина Сергеевна отметила, что очарована окрестностями города, теплотой и вниманием коллег, гостеприимством благодатного края. «Я увезу тепло ваших душ, ваших сердец...»

В те памятные дни в Тбилиси с успехом проходили гастроли ее ученицы, Екатерины Максимовой и Владимира Васильева. Американский журналист Альберт Кан в своей книге «Дни с Улановой» писал: «Когда она объясняла что-нибудь Кате Максимовой, нервные пальцы ее словно лепили незримую скульптуру, а на редкость подвижные руки напоминали руки ваятеля. Она умела разжечь воображение». У нее занимались Нина Тимофеева, Людмила Семеняка, Светлана Адырхаева, Малика Сабирова, Нина Семизорова, Надежда Грачева. С одними она познала горечь разрыва отношений, другие были ей верны и преданы.

Последние годы Уланова работала с премьером Большого театра Никой Цискаридзе, который с большой благодарностью вспоминает об этих творческих контактах. Здоровье Галины Сергеевны желало лучшего, но она оставалась такой же деликатной и скромной как всегда, лишней раз стеснялась вызвать машину из театра, чтобы добраться до поликлиники. Вспоминала свой родной город Ленинград, близких, дорогих сердцу людей. Уже никого не осталось в живых. Друзья не оставляли ее, но в сущности она была одинока.

Ее последним желанием на пороге вечности было уйти из жизни достойно...

...Был март 1998 года, когда мир простался с Галиной Улановой...

Вот выдержки из мировой прессы:

«Ее жизнь включила в себя великую судьбу».

«Ее образ вошел в вечность, как входят творения великих художников».

«Она была и осталась легендой, Музой русского балета».

«В балете рождаются боги. Таким божеством, миром для многих поколений была Анна Павлова. И Уланова. Больше никто!»

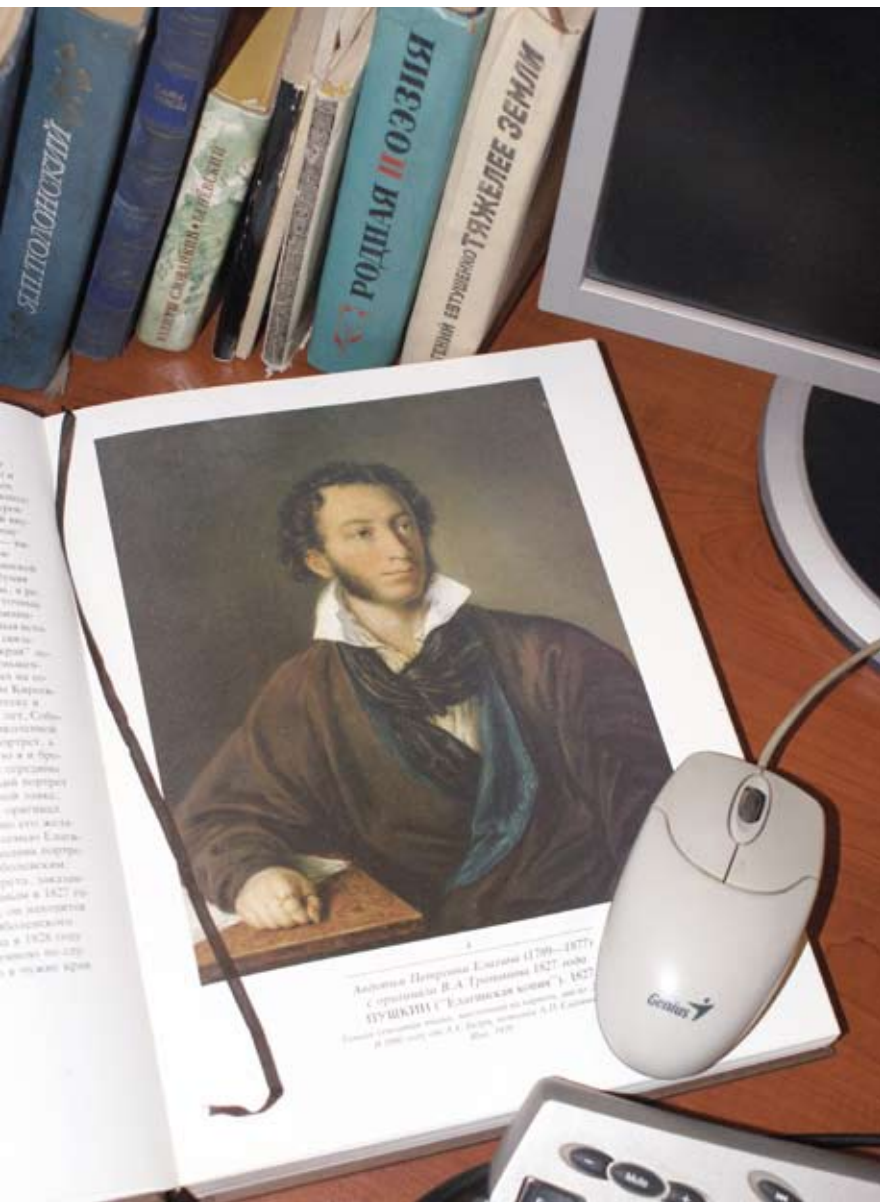
Но мы добавим: и Вахтанг Чабукиани.

Нелли УЗНАДЗЕ

Коллектив Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб» поздравляет приму-балерину, народную артистку России и Грузии, достойную продолжательницу лучших традиций русского классического балета Нину Ананишвили с 45-летием. И желает ей здоровья, новых творческих успехов на ее благородном поприще.

ФОРМУЛА ПОЭЗИИ. ЗАЧЕМ ЧИТАТЬ СТИХИ

В течение уже восьми лет 21 марта по решению Всемирной организации ЮНЕСКО в мире отмечается Международный День поэзии.

В нашем журнале мы не раз публиковали интервью с современными грузинскими и известнейшими русскими поэтами.

Будучи причастной к стихописанию, автору статьи хотелось бы немного поразмыслить о сущности поэзии. Некоторые заметки на полях уже существующих мыслей, главные из которых выразил Иосиф Бродский в своей Нобелевской лекции, и в многих эссе.

Литература, как из хаоса и глины когда-то Господь,

лепит заново мир и человека. Есть еще одна особенность у ЛЮБЫХ стихов. Так или иначе они горазды сбываться. Однажды Бродского спросили, всегда ли поэт – пророк, на что он ответил: «Это побочный результат». Поэт не будет пророком уже хотя бы потому, что он продукт стихотворения, следовательно, по Бродскому и по сути, языка. То есть продукт одиночества и свободы (так, к слову, и называлась книга Адамовича) - индивидуальность всегда сопряжена с этими двумя смежными способами существования. Обладая проясненной сущностью, поэт – и исполнитель, и творец в одном лице, ибо создает собственные миры в свои 6 дней. Посему он откажется от участи/чести святого. Но язык, как и свобода, вспоминая Довлатова, освещает дорогу любому. Выбор – за человеком, как всем этим воспользоваться. Язык в известной степени равнодушен. Точнее, нейтрален. За одним исключением. Он не прощает непрофессионального отношения к себе. Небрежности, несерьезности, неверной тональности. Улавливаешь что-то, тот самый «вербальный гул» - и пошло дело. Короче, без мистики, что-то ведет твою руку, иначе не скажешь. Главное – иметь очень чуткий слух. А то, как говорил Станислав Ежи Лец, «кастраты духа тоже могут взять высокую ноту».

Но «что остается от сказки потом, после того, как ее рассказали»? А просто Время. И еще инерция слов, вытесненных из стихотворения. Суть настоящего искусства в том, что оно плодотворно. После гениальной вещи хочется идти дальше, любым способом продолжить увиденное, услышанное, прочитанное и т.д. В мыслях, в чувствах, в создании чего-то своего, в любом оживлении жизни. Или точнее, жизни души. Потому пишутся книги о поэте и, что важнее, его лучшей части – речи.

Писать о современном литературном процессе в русском пространстве (география шире одной отдельно взятой страны), находясь от него на расстоянии, которое в силу разных причин и в не менее разных смыслах увеличивается, все равно что говорить о тающих ледниках то ли Арктики, то ли Антарктиды, наблюдая за ними по телевидению или читая статьи в прессе. Приходится напрягать то ли зрение, то ли воображение, вглядываясь в даль сквозь хлопающие ставни окна, прорубленного мировой паутиной и в литературные сайты в том числе, почитывая популярные статьи современных литературных критиков.

Состояние, в котором мы все сегодня пребываем не выбегая из русского языка, скорее характеризуется как «послебродские». Независимо от степени принятия или отрицания. Если великий поэт – это «языковая неизбежность», то после него в любом случае, даже если его не читать, что уже эстетическое и этическое преступление само по себе, невозможно писать так, как до него.

Сегодня ни один поэт не создает ощущения неизбежности. Замечательные, умные, бесподобные, оригинальные, наполняющие стихи метафорами и духовной энергией – все это есть. Насколько «большие»

поэты, которых сегодня таковыми считают, причисляя к классикам, сказать трудно. Большие – может. Великие – вряд ли. Слишком грандиозный масштаб задан Иосифом Бродским и всей литературой, которая за ним тянется длинным шлейфом.

Сегодняшние поэтические ориентиры – премии, обычно спорные, публикации в толстых журналах, участие в известных фестивалях, постоянные встречи на биеннале и прочих семинарах... Все это обеспечивает популярность, особенно если учесть некий нарастающий гул перформансов взамен интонационному, вербальному. Самиздат обесценился Интернетом, который совершенно адекватен «реалу», то есть все зависит от тебя: куда пойдешь, с кем будешь, как поступишь... Конечно, хочется ту или иную книжку в руках подержать, перелистывая страницы – все-таки нечто живое. В отличие от книг Интернет не имеет запаха – полный Зюскинд, но с другой стороны, это единственная возможность хоть как-то наблюдать за происходящим в удаленных от кипящей литературной жизни провинциях. Вылавливать в Самиздате бриллианты решится далеко не каждый, потому что эта адская работа подразумевает непрерывное чтение-искание среди в лучшем случае сотен тысяч пишущих персон действительно одаренных авторов. Да и не обесценился ли отчасти сам процесс чтения? Подаренная новым временем скорость избавляет от необходимой медленности и усилий. Close reading, иначе говоря внимательное чтение, становится уделом и делом избранных и отважных, почти донкихотствующих личностей.

Цветаяевское «Чтение – соучастие в творчестве» не так-то просто. У писателя и читателя разная «психологическая скорость» мышления (Бродский в беседе с С.Волковым). Да и в любом случае чтение требует усилий. Но иначе и быть не может. Усилий от человека в первую очередь требует Бог, в отличие от дьявола, который легкодоступен (к примеру, несчастным быть легче, чем счастливым. Не надо делать никаких шагов никуда. Рабом, чем свободным, любимым, чем любящим и т.д.), и по верному замечанию Мераба Мамардашвили, «дьявол играет нами, когда мы не мыслим точно. Точность мышления есть нравственная обязанность того, кто к этому мышлению приобщен». Точность, которой в первую очередь отличается поэзия, скорее всего, сродни Абсолюту (а значит, и Создателю), и не означает правильность, зачастую отталкивающую несвежестью привкуса. Но она же и обязывает. Стать равновеликим поэту с его чувством точности, прорыва, подлинности в момент чтения можно только отказавшись от себя. Так Бродский и говорил: «Человек есть то, что он читает». Собственно, и этого от нас хочет Творец: растворения, отказа от собственного «эго», что отнюдь не синонимично исчезновению.

Антон Павлович Чехов однажды заметил, что «То, что мы испытываем, когда бываем влюблены, быть может, есть нормальное состояние. Влюбленность указывает человеку, каким он должен быть». При чтении стиха мы испытываем примерно то же самое. Стихотворение – это максимальное существование человека на осознанном пределе его возможностей, оно всегда работает в режиме «все включено». «Высшая форма существования языка» позволяет человеку быть – хотя бы в этот момент – в своем лучшем образе и, возможно и следовательно, подобии.

Собственно, здесь можно запросто вывести формулу творчества, она же – и любви. Творчество и есть максимальное саморастворение (не самовыражение!), равное максимальной самоконцентрации. В стихах вступают иные законы: думаешь не как лучше самовыразиться, а как найти, к примеру, более удачную рифму. Все остальное – только строительный материал. Жизнь превращается в первый этаж, который надо пройти, чтобы подняться на следующий – стихотворение.

Естественно, попытка преодолеть время, чем занимается поэзия в первую очередь, обречена на провал. Но бороться может. Теми же, опять возвращаемся к словам Бродского, цезурами, каденциями, размерами, добавим, и «звукосмыслом».

«Всякое творчество, - говорит Бродский, - по сути своей молитва. Всякое творчество направлено в уху Всемогущего. В этом сущность искусства. Это, безусловно, стихотворение, если не молитва, то приводимо в движение тем же механизмом молитвы». Этот механизм должен включиться и у читателя. Привести его в движение, доводящее до растворения. Подняться до уровня воображаемого читателя трудно и прекрасно. Да и воображение зачастую превосходит реальность по своей интенсивности.

В поэте вообще слишком многое разбужено, расшевелено. В душе его, как в заброшенном замке, бродят чудовища, призраки, демоны, ангелы. Они никогда не дадут покоя. И мир воспринимается гораздо более обостренно, чем у обычных людей. Поэт всегда живет на грани здравого смысла и иррационального восприятия мира, о чем, в частности, говорил И.Бродский в интервью Свену Биркертсу. Недаром многие великие поэты боялись сойти с ума, а некоторые и в психбольницах полеживали. И все это отражается в первую очередь на формальной стороне стихосложения. На тембре, интонации, звуке, рифме, на размере, паузах, клаузулах и цезурах – короче на том языке, с которым поэт говорит со временем. Или время с ним. Но в то же время сия дисциплинирующая «формальная разбуженность» и есть основной путь поэзии – «в идеале это именно отрицание языком своей массы и законов тяготения, это устремление языка вверх – или в сторону – к тому началу, в котором было Слово. Во всяком случае, это – движение в до (над)жанровые области, то есть в те сферы, откуда он взялся. Кажущиеся наиболее искусственными формы организации поэтической речи – терцины, секстины, децимы и т.п. – на самом деле всего лишь естественная многократная, со всеми подробностями, разработка воспоследовавшего за начальным Словом эха» (И.Бродский). Бродский знал, что говорил, настаивая на божественном происхождении языка. «Человеку принадлежат предположения сердца, но от Господа ответ языка» [Книга притчей Соломоновых, 16;21].

«Чтение, - пишет вслед за Бродским А.Генис, - как раз тот случай, когда слово претворяется в плоть». И далее вспоминает Шкловского, который «оправдывая свое ремесло... говорил, что человек питается не тем, что съел, а тем, что переварил». Бродский настаивал на том, что каждую заученную строчку можно считать своей. Да и что есть наша жизнь и смерть, как не пара стихотворений? «Смерть и жизнь – во власти языка, и любящие его вкусят от плодов его» [Книга притчей Соломоновых, 18; 21].

Инна КУЛИШОВА

Потрясающий Иерусалим. Неповторимый Давид Маркиш. Очаровательная Наташенька, его супруга. Кажется в Израиле все потрясающе, неповторимо, очаровательно... Воистину «Святая земля»! Здесь не имеет значения какую веру ты исповедуешь. Здесь на всех сходит общая Божья благодать. Здесь даже новая луна лежит на небесах, не как серп – как мы привыкли, а как-то косо, как бы улыбаясь, словно ночной небесный «smile»...

Неделя, проведенная в Израиле, – это много или мало? Чтобы надоесть хозяевам, Маркишам, своим грузинским, неумным пристрастием к застолью – это чересчур много. Чтобы объять необъятную землю обетованную – ой как мало... Неделя счастья. Неделя потрясений.

Когда в июне 2007 года мы познакомились с Давидом, то сразу сблизились, можно сказать, побратались, несмотря на три десятка лет разницы в возрасте (кого не сблизит, побратит грузинское вино?!).

«...В восторженность не верю...», – писал Высоцкий. С легкостью могу подписаться под этими словами, но... Огромное «но». Слушая Давида Маркиша, общаясь с ним, читая и перечитывая его, невозможно не впасть в восторг. Невозможно не испытывать гордость за себя любимого из-за того, что этот Мастер слова близок с тобой. Близок настолько, что находит время и, главное, желание перевести твои стихи на язык великий, могучий (значит я тоже «ничего»?)... А ведь Маркиш не занимается переводами стихов лет тридцать, может, и больше. Он полностью поглощен своей прозой. Сегодня уже его творения переводят на английский, немецкий, французский... Его книги издаются по всему миру.

С удовольствием представляю читателю стихи грузинских поэтов в блистательном переводе Давида Маркиша и жду не дождусь встречи с ним и Наташенькой в Тбилиси, на Втором международном русско-грузинском фестивале поэзии, устраиваемым Международным культурно-просветительским Союзом «Русский клуб».

С любовью, Нико ГОМЕЛАУРИ

P.S. Особый привет из Тбилиси шлю сказочному саду особняка Маркишей и конечно же их четвероногим питомцам – неугомонному боксеру Джеку и трогательному, неизвестной мне породы, Тимоше, которого из-за почтенного возраста хотелось называть Тимофеем Давидовичем. Но в Израиле не принято обращаться по батюшке.

Давид Маркиш

АКАКИЙ ЦЕРЕТЕЛИ ГУРИЙСКАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Ты пока в пеленках белых,
В люльке дедовской простой.
Вырастешь большим и смелым,
Сын любимый мой!

Я измучена неволей –
Годы рабства за спиной.
У тебя ж иная доля,
Сын любимый мой!

Ты такого не увидишь –
То, что было, скрыто тьмой.
Ты на путь широкий выйдешь,
Сын любимый мой!

Пропую тебе я «Нану».
Не забудь ее, родной...
Встань навстречу солнцу рано,
Сын любимый мой!

Ты поймешь тревоги эти,
Когда вырастешь большой...
Жизнь за зло тебе ответит,
Сын любимый мой!

Ты пока в пеленках тесных –
Будешь сильный и прямой
И споешь сыночку песню,
Сын любимый мой!

ВАЖА ПШАВЕЛА
ЗАВЕЩАНИЕ ЗЯБЛИКА

Гонит ветер изморозь колючую,
Плачет зяблик, растревожив тишь.
«Ты, всегда веселая, певучая,
Птичка зяблик, отчего грустишь?»

«Разве ты не видишь — без приюта я,
Одолел мороз меня в пути,
И сковала сердце стужа лютая...
Мне от смерти, видно, не уйти.

Не могу летать, не в силах двигаться,
Лапок от камней не оторвать.
Должен ты с детьми моими свидеться.
Рассказать, что ты видал их мать.

Пусть они меня между сугробами
Похоронят, как пройдет буран.
Из фиалок пусть сплетут мне гроб они.
Принесут мне роз из теплых стран.

Так ступай быстрее тропами горными,
Не забудь, мой милый, что сказать.
И тебя мои сиротки скорбные
Будут добрым словом поминать».

НИКОЛО МИЦИШВИЛИ
ПАРОХОД «АБХАЗИЯ»

Сливается с волной далекий берег
И тает, тает в сладостной истоме,
Как будто бы ползет охотник к зверю
В курчавых камышах Палиастоми.

Беременных судов исчезли бедра
И сладкая батумская губа.
Смежило солнце веки, и у порта
Поникла тучек светлая гурьба.

А на море наш лайнер многотонный
Сметает горизонтов окруженье,
Поставленных коварным Посейдоном
Волнам зеленым на вооруженье,

Чтоб в споре этом с озверевшей бездной
Был побежден разумный род людской
Волнами — ибо наш корабль железный
Счел смачной снедью грозный царь морской.

Дыханье ветра резче и короче,
Седеют волн расчесанные пряди...
«Не бойтесь, — молвил на корме рабочий, —
Мы строили «Абхазию» в Ленинграде!»

КОЛАУ НАДИРАДЗЕ
ПАМЯТИ МАТЕРИ

Мы снова вместе, мама. Не сердись!
Вот маленький наш домик за стеной.
Вот лестница сбегает круто вниз.
Меня не узнаешь ты? Я иной?

Но неизменна ввек душа моя...
Глаза в слезах. С чего бы? Не пойму...
Гляди же, мама! Пред тобою я
Склонюсь, твои колени обниму.

Постой, моя родная! Не спеши!
Я в сад спущусь — закат готов зардеться...
В саду, под вишней, свет моей души —
Там синеокое мое осталось детство.

АЛИО МИРЦХУЛАВА
ГАЛАКТИОН

Ты был свеченьем духа озарен.
Подобно молнии, с небес сошел ты в землю.
Сияла жизнь — как ты, Галактион, —
Небытие и смерть собой объемя.

Народ безмолвствовал — курилась тишь вдали.
Молчал народ — печаль сердца сдавила.
Раздумья о раскаянье взошли
С тобою вместе на гору Давида.

Безмолвна и Мтацминда. Там все те ж:
Луна отчизны, призраки поэтов...
В безмолвии народа зрел мятеж!
И было страшно и прекрасно это!

Ушел туда, где тишь да благодать,
Где тень лазурна и хрустальны воды...
Вселенной тайну мне не разгадать
Так же, как тайну твоего ухода.

МАРИДЖАН
ТЕБЯ УЖ НЕТ

Окно от солнца скрой, затки его, паук!
И на стихи пускай осядут пыли хлопья.
Тебя уж больше нет! Ты не придешь, мой
друг...
Все переоценю и все забью в твой гроб я!

Тебя уж больше нет! Зачем же мне рассвет,
Зачем мне день, зачем должна с постели
встать я?
И красят наш забор зачем в зеленый цвет?..
Ведь мне не суждено надеть цветное платье!

Зачем оставил нас, ушел в небытие?
О, как скорбит душа, в могильный креп
одета!
Я вспоминаю слово каждое твое,
И взгляд скользит в тоске по неживым
предметам...

МИХАИЛ КВЛИВИДЗЕ
МЕЧТАТЕЛЬ

Р. Натадзе

Он в кресле сидит, сплетя задумчиво пальцы...
И видит мальчишек, бегущих к Алгетке купаться,
И сосен манглицских он помнит размеренный гул,
И чувствует ветер, который их кроны пригнул,
И видит он домик дощатый под крышею красной,
И прелые листья, и тысячи разностей разных:
Старуху в платке, что пропавшего ищет телка,
Чванливых гусей на лугу – там, где вьется река,
С профессором старым вечерние чаепитья...

Сидит он, давние припоминая события...

О, если бы хоть на мгновенье
представить смогли вы,
Какой он счастливый,
Какой он, мечтатель, счастливый!

НИКО ГОМЕЛАУРИ

Когда себя и всех простишь,
Когда очертишь цели,
Когда ты отпрыска возрастишь,
Когда в семье заели,

Когда уловишь гул судьбы,
Когда с тревогой – врозь бы,
Когда означен ход борьбы,
Когда никчемны просьбы,

Когда нажим – и нечем крыть,
Когда поступки плавны,
Когда в кусты отступит прить,
Когда мозги исправны,

Когда забыт последний страх,
Когда жена – довеском,
Когда невесело в пирах,
Когда сравниться не с кем,

Когда вздыхаешь вразной,
Когда ворчишь сквозь зубы,
Когда не справился с собой,
Когда унять слезу бы,

Когда блеск молний не страшит,
Когда беда – скорей уж! –
Когда смятением стыд проshit,
Когда врага жалеешь,

Когда кизил взахлеб цветет,
Когда вороний грай
Над садом розовым ползет –
Пришла пора. Ступай...

*Перевод с грузинского
ДАВИДА МАРКИША*

Н.Гомелаури и Д.Маркиш

«А я из тех, кто долго шел к вершинам...»

Поэт Людмила Орагвелидзе, автор поэтического сборника и нескольких дисков со своими песнями, выпустила очередной CD с новыми произведениями. Обаяние личности, сила творчества Люды таковы, что окружающие, едва соприкоснувшись с ее стихами, облеченными или не облеченными в музыкальную форму, сразу оказываются в каком-то мощном поле, навсегда влюбляются в «терпкое вино» этой поэзии – результат долгого, трудного пути, пути обретений и потерь (или плавания! – в людinых стихах часто появляются образы, детали, связанные с морем!) поэта, сердце которого трепещет «то ль благодатью, то ли ядом, – и все же жаждою добра». Да, в ней есть сила, харизма, уверенность в правильности избранного пути и нравственных позиций, что, конечно, не исключает творческих сомнений, поисков. С годами Людмила стала мудрее, философичнее, но не утратила иллюзий – то, что совершенно необходимо для движения вперед. Чтобы не превратиться в плоскодонку, затопленную илом, которая «не в силах чего-то желать» (образ из ее замечательного стихотворения «Отчаяние»)… Л. Орагвелидзе это не грозит – она человек размышляющий, ежедневно набирающийся опыта – творческого и человеческого, преодолевающий как «коварство и обман» окружающей реальности, так и внутренний разлад. Людмила – «из тех, кто долго шел к вершинам и в глубину – с открытыми глазами»…

- Людмила, как ты относишься к тому, что у некоторых поэтов несколько пренебрежительное отношение к бардовской песне?

- В принципе, это небеспочвенно, что у серьезной поэзии пренебрежительное отношение к бардовской песне. Гипнотизирующая сила мелодии позволяет многим авторам пренебрегать и рифмой, и многими другими законами поэзии. Хорошо слушается, но если тут же читаешь текст с листа, то он совершенно не звучит и не интересен. Просто завуалированность поэзии мелодией делает авторам какие-то скидки. Что касается моего отношения к этому жанру, то для меня в бардовской песне на первом месте – текст. Песня – это способ выражения мысли. Просто акценты мелодии позволяют ее быстрее и легче донести до слушателя. А вообще бардовскую песню я считаю, скорее, своим хобби и основной акцент все-таки делаю на поэзии.

- Но, тем не менее, ты именно с бардовской песней выходишь к аудитории.

- Да, раньше это преобладало в моем творчестве. Имею в виду количество авторских песен в сравнении со стихами. Я выхожу с песнями не потому, что не могу выступить с чтением стихов, которые для меня ценнее многих моих песен. Но… стихи, увы, менее востребованы, чем бардовская песня. Для чтения стихов нужен

Людмила Орагвелидзе

особый поэтический вечер. А для авторской песни подходит любая презентация, юбилей, концерт. Поэтических вечеров, как таковых, я за последнее время и не припомню. Разве что имеют место смешанные творческие вечера, когда между песнями звучат и стихи…

- Значит, и ты относишься к бардовской песне слегка свысока?

- Мое отношение стало таковым с некоторых пор. Возможно, здесь сказалось мнение поэтов, которых я считаю хорошими. Я вижу, что публика хорошо знает меня как автора песен и меньше – как поэта. Но хочу подчеркнуть, что написать хорошую песню – это огромный труд. И он именно двойной – это может быть стих, который ляжет на мелодию, а может, и наоборот. А времени на создание песни уходит гораздо больше. Хотя знаю людей, которые прямо за столом, очень легко могут сочинить песню. Я не сторонник такого подхода, и меня, может быть, именно этот момент и расхолаживает.

- А как ты пришла к бардовской песне?

- С детства я человек очень любопытный и интересовалась абсолютно всем: и шахматами, и фотографией, и подводным плаванием занималась, и в походы ходила. Такой образ жизни предполагал песни у костра, студенческие, командно-спортивные песни. Как правило, их автором была я. Это и стало исходным моментом. А потом из этих коллективных песен выросло нечто более глубокое, осмысленное, зрелое. Хотя есть несколько студенческих песен, которые я помню… или их помнят другие. Была, например, у нас в команде

подводников такая шуточная: «Морская школа пьет кока-колу...»... Мы часто ходили к каким-то монастырям, храмам, забирались в горы, иногда брали с собой палатки. И обязательно с нами была гитара.

- Когда ты осознала, что поэзия – это твое кровное?

- Осмысленное отношение к поэзии у меня было с самого начала. А в 80-е годы, когда я получила приглашение в Литературный институт, прошла там конкурс, возникло новое самоощущение. Из 9 тысяч работ, присланных на конкурс в Литинститут, было отобрано всего 60. Среди них – моя. В конце 70-х я уже печаталась в газете «Молодежь Грузии», в альманахе «Дом под чинарами». Словом, началось движение. Естественно, когда ты знаешь, что тебя читают, у тебя появляется ответственность перед читателем, а не просто перед другом или подружкой.

- Большую роль в твоей жизни сыграла встреча с известным писателем Владимиром Осинским. Расскажи об этом.

- С Владимиром Валерьяновичем мы познакомились в 1994 году: вместе с подружкой я пришла в Русское культурно-просветительское общество, там и состоялась первая наша встреча. Я ему показала свои стихи. Осинский ими увлекся, стал меня приглашать к себе, требовал каждый день новые стихи... Мы подружились. Владимир Валерьянович был мощной личностью, занимавшей очень много пространства. К тому же это был очень светлый и абсолютно честный, бескомпромиссный человек. Чем дальше я удаляюсь от прошлого и от самого Владимира Валерьяновича, тем больше ощущаю, как мне его не хватает, чувствую пустоту, которая сейчас невосполнима... Не могу сказать, что он повлиял на форму моей поэзии, на рифму и т.д., но он требовал от меня абсолютной точности, ясности выражения мысли. Вот этому он меня научил однозначно. Осинский даже специально выбирал какие-то строчки из моих стихов и требовал их уточнения.

- А как ты сама относишься к тому, что писала когда-то? Ты из тех, кто уничтожает написанное, или с нежностью относишься даже к несовершенным строчкам, сочиненным двадцать лет назад?

- Я из тех, кто уничтожает. Если мне самой что-то не нравится, я это уже на публику не выношу. Даже если кому-то эти стихи пришлись по душе... Острое ощущение новизны проходит, с высоты опыта, преодоленных дистанций какие-то мысли мне кажутся банальными. Может быть, я и не права. Если логически подходить к вопросу, то получится, что рано или поздно, лет через десять, к стихотворению, которое, как мне кажется, блестит сегодня новизной, я буду относиться как к банальности...

- С таким подходом можно и поэтическое наследие прошлого перечеркнуть... как наивное и неактуальное...

- Сегодняшний поэт может написать, что Земля улетает, превращается в песчинку и растворяется в пространстве, но это было бы громом среди ясного неба для эпохи средневековья, когда люди думали,

что наша планета стоит на трех китах. А для нашего времени эта мысль об улетающей Земле – уже банальность... Но дело не в этом – дело в остром угле. Даже в образе улетающей Земли мы можем найти неожиданный ракурс. И это будет ново! Таким образом, хаос, который царит у нас в голове, мы приводим в новый строй. Сейчас я не просто пишу о Земле как о песчинке, теряющейся во Вселенной. Я рассматриваю ее и думаю: «Но если страдают только на ней и нигде больше в целой Вселенной, значит, она больше всего остального мира!» Вот это и есть тот самый неожиданный ракурс, благодаря которому песчинка обретает беспредельность. В принципе, темы всегда одни и те же – наши чувства, переживания. Ничто не ново! Дело только в том, как мы это увидим и покажем.

- Твоя поэзия стала трагичнее, острее стало ощущение противоречий мира. Раньше она была романтичнее, что ли...

- Мои стихи, максимально эмоциональные, вылились в поэзию-размышление. От местечковых эмоций они перетекали в поэзию мировой скорби, если так можно выразиться. Меня, например, потрясают черные глаза маленького ребенка на экране телевизора, когда идет репортаж из Сомали. Просто мурашки по коже бегают... Этот ребенок – словно с улицы моего родного города. Речь идет об иной объемности, ином восприятии. Это уже по Хлебникову, наверное, – председатель мира. Я вообще считаю, что основным качеством поэта является бережное отношение к любой жизни, ко всему живому. Это должно характеризовать его в первую очередь. В творчестве поэта проявляется качество его личности. И для меня это очень важно. Считаю, что поэт, по сути, – существо очень нравственное. В идеале, конечно.

- Поэзия – вещь камерная, интимная. Но в 60-е годы она собирала стадионы. Что для тебя норма – то, что было тогда или сегодняшнее: «поэзия удел избранных»?

- Я думаю, что в любом столетии переживаются моменты духовного кризиса, когда общество начинает что-то искать, выбираться из трясины, в которую оказалось затянута. Тогда и рождаются такие яркие явления, как поэзия Серебряного века, шестидесятники, авангард. Это – потребность времени. Сама по себе такая поэзия не возникает. А если поэты собирают стадионы, значит, на этой же волне созрело и общество, которое готово их слушать. Но тут есть еще один момент. Этих писателей, которые собирали стадионы, почти не печатали. А сейчас – абсолютная свобода, пиши что хочешь. Просто отсутствие цензуры у нас совпало с отсутствием культуры.

- Что тебе нравится и не нравится в современной поэзии? Почему сегодня нет ярких поэтических имен, личностей, властителей дум? Почему поэзия порой уходит в иронию, в выхолощенное формоискательство?

- Дело, конечно, не в тематике. Можно написать о чайной ложке, а звучать стихотворение будет так, словно ты кричишь о целом мире. Можно с Богом го-

ворить на равных о... подтяжках. Все зависит совсем не от этого. Снова возвращаемся к теме неожиданного ракурса... Почему-то ищут новую форму, но никак не блестящую мысль. Почему-то акцент, особенно у нас, в Грузии, делается на поиск формы, и это уже превратилось в какую-то манию. Конечно, удачно найденная новая форма может иногда помочь лучше выразить какую-то мысль. Но, извините, чтобы это случилось, должна быть та самая мысль. А новых мыслей практически нет – лирика, все перепето много раз. Может быть, я плохо знакома с поэзией молодых, но... пока что меня ничего особенно не пронзало.

- А если брать единое русское поэтическое пространство?

- Из совершенно новых российских имен? Я не знаю молодых российских поэтов, но есть столпы в поэзии, которых я очень люблю. Те же Александр Кушнер, Давид Самойлов. Я очень люблю стихи Юрия Кузнецова, который умер в прошлом году, Василия Бетаки, эмигрировавшего за границу. Мои пристрастия с годами почти не изменились. Какие-то книги я для себя отобрала еще в 70-80-е годы, естественно, с какими-то моими пометками. Среди них – Яков Белинский, Роберт Винонен... Многие из тех, кого я люблю, сегодня разбрелись по миру. Перечитывая любимых поэтов, я со своими тогдашними оценками абсолютно согласна. Мои критерии, оценки совершенно не изменились.

- В таком случае, что ты больше всего ценишь в поэзии?

- В первую очередь, яркую мысль, как автор пропускает ее через себя, неожиданные повороты мысли, которые иногда ошеломляют, парадоксы... Вспомним пушкинское: «И гений, парадоксов друг!» Этот парадокс большое сужает до малого – например: «море мечтает сделаться маленьким, вроде как птичка колибри». Или, наоборот, малое расширяется до необъятных размеров: «Слишком многим руки для объятий ты раскинул по концам креста». Можно сыграть и на контрасте: черное неожиданно становится белым и наоборот. Для меня неважно, какими путями автор к этому пришел. Если я поражена, то прошу даже некоторые ошибки и неточности. Поэзия должна удивлять... пугать, если хотите, призывать к возмездию, будить в человеке какие-то страсти. Словом, не оставлять его равнодушным. Хуже всего, когда поэзия оставляет тебя индифферентным.

- Почему Людмила Орагвелидзе не пишет прозу?

- Ответ банален – отсутствие времени. Я невероятно загружена. И для меня самая большая ценность – это, конечно, время! А потом, у меня столько еще не сделано в поэзии – это крутится, варится, дымится, запекается в голове...Поэтому я думаю, как бы мне все задуманное успеть сделать, прежде чем взяться за что-то другое, новое.

- Чем больше всего дорожишь из того, что написала?

- Тем, что написала вчера!

- Ты воспринимаешь поэзию на слух, в трактовке автора, или тебе нужно читать самой, с листа?

- Для меня легче воспринимать поэзию с листа. Там, где хочу, остановлюсь, сделаю паузу, вдумаюсь в слово, если меня что-то задело. А при чтении с эстрады иногда что-то пропускаю. В основном возникает только общее впечатление, а самые ценные бриллианты, изюминки можно оценить, только читая самому...

- Какое стихотворение ты считаешь своим автографом?

- Оно очень мрачное! А звучит оно так: «О сколько лиц ненужных я вклинила в судьбу, исход любви и дружбы мне дан письмом на лбу, где пропасть – разность зренья, там действует закон: в стремлении к единенью скрывается урон».

- Ты разочарована в единении?

- Это личностное открытие, которое однажды могло мне разобраться во всем. Удалить очень многие негативы из своего сознания, жизни, многое переосмыслить и примириться с жизнью. Это произошло, когда я поняла, откуда идут мои беды... Является ли человек твоим единомышленником, видно сразу. Если ты видишь, что он не смотрит с тобой в одном направлении, зачем приближать такого человека? Будущая катастрофа, крах отношений скрывается в зародыше уже сегодня... вот в чем суть.

- Значит, ты стала разумнее?

- В чем-то нет, пожалуй. Я человек, не борющийся и по жизни всегда пасующий перед хамством. Разве что я могу от этого уйти – от такой ситуации, таких людей, и больше никогда не появляться.

- Наверное, важнее быть в мире с самим собой, чем искать единомышленников?

- Естественно. Со временем любой мыслящий человек приходит к тому, что главное – согласие с собой. Что мы такое? Говоря библейскими образами, мы расплачиваемся за первородный грех этим внутренним разладом – океан бушующий хочет покоя, а высыхающий ручеек мечтает бурлить, шуметь как водопад Ниагара. Преодоление этого внутреннего разлада – огромное достижение любой личности. Когда человек абсолютно все приемлет – противоположности, свет и тьму, может все понять и многое оправдать, простить, примириться... с обществом, со страной, планетами... с соседями и со всем прочим. Но это результат очень долгого, упорного труда и собственного права на мораль, добытого ценой невероятного страдания.

- Ты на этом пути?

- Я уже преодолела самые страшные разлады в себе. Но иногда это бывает связано с минутным настроением... или с какой-то неприятностью, несчастьем. Но я это преодолеваю.

- Поэзия тебе в этом помогает?

- Поэзия – страсть всей моей жизни. Она как то озеро: в него бросишь камень, и возникает волнение. А потом озеро успокаивается, но камешек уже на дне. Когда это все выплескивается на бумагу, «круги» «затихают», и снова, как говорится, наступает тишь да гладь...

Инна БЕЗИРГАНОВА

«Крейсер» спустился с гор

Сентябрьским вечером сорок первого сидели в палатке курсанты-защитники Москвы Шалико Жоржолиани, Бокучава, Шарашенидзе, Ираклий Цицишвили (тот самый, будущий Герой Советского Союза), Гиви Чачхиани... И негромко пели «Цицинатела», «Сулико». Шел мимо комбат Гончаров, замедлил шаг – очень пришлось по душе ему песня грузин. Через пару часов вызывает к себе одного из «артистов». Удивились курсанты и ничего хорошего не ожидали от этого вызова. Строг был майор, одно его имя вызывало трепет. Но делать нечего, пришел Леван к командиру и докладывает: «Курсант Гудушаури по вашему вызову прибыл». И узнал, что ему поручается подготовить грузинский хор к концерту художественной самодеятельности. Приказ в армии не обсуждается – стали выполнять. Собрали после занятий двадцать землячков, тех, у кого был голос и у кого его не было. Нашлись и хорошие танцоры Гугули Мгалоблишвили, Миша Натидзе. Леван составил программу. Из Москвы привезли грузинские национальные костюмы и приступили к репетициям.

Сам Леван в 1941 году закончил с отличием институт по специальности «инженер-архитектор» и с

первых дней войны оказался в действующей армии, в маскировочной роте – на подступах к Москве маскировали окопы и траншеи. Находил минуты для кратких записей в дневнике. Вот одна из них. «С часа ночи до пяти утра продолжали маскировку окопов. В 5.30 – завтрак. Никогда прежде не испытывал такой сладости от сна». «24 августа. Впервые испытал такой мороз за время службы в армии. Всю ночь простоял на посту под проливным дождем. Сменил мокрую одежду и тотчас отправился в палатку спать. Вошел в палатку и что я вижу: и моя постель была мокрой. В конце концов пришлось ложиться в мокрой одежде. В два часа ночи из-за невыносимого холода вынужден был встать. Вышел в поле и до утра провел время в беге и быстрой ходьбе». «16 сентября. В семь утра проходили практические занятия по маскировке. Руководитель разбил слушателей на группы и фамилию каждого записал в книжечку. Когда подошла очередь Левана, спросил: «Боксер Гудушаури не родственником вам приходится?» Леван засмеялся и ответил: «Так точно родственник» – «Почему смеетесь?» – «Он самый и есть», – вмешался в разговор Гиви Чачхиани. «Неужели? Вы ведь чемпион. Я видел ваш бой с Беляевым. Молодец!»

Через три дня вечер-концерт. Принимали их горячо, в зале немало грузин из числа курсантов и преподаватели Военно-инженерной академии им. В.В. Куйбышева. Еще одно отделение отвели под выступления спортсменов, в том числе боксеров. Руководил боксерами чемпион Саратова Маслов. Объявили две пары, а для Маслова пары не нашли. Как узнали об этом земляки, стали уговаривать Левана выступить. Подошел Маслов и спрашивает: «Ты знаком с боксом?» – «Нет, занимался когда-то, а товарищи решили, что я боксер». Маслов говорит: «Не беда. Если хоть немного умеешь – выходи. Обещаю сильно не бить». После этих слов Леван просто не мог не выступить. Гиви Чачхиани сбегал в палатку за спортивной формой и перевязочными бинтами, помог плотно бинтовать кисти рук. Через несколько минут боксеры были готовы к бою. Судья объявил: «На ринге многократный чемпион Грузии и Закавказья, чемпион СССР 1940 года по второй группе Гудушаури и чемпион Саратова Маслов». Услышал объявление Маслов – смутился, но с ринга не сбежишь. Начался бой. Маслов бегаёт по рингу, на сближение не идет. Потом осмелел – провел несколько серий ударов по перчаткам и получил встречный прямой. Маслов на полу. Поднялся и пропустил новый сильный удар. Снова пол ушел из-под ног. В это время в зале раздался истошный женский крик: «Не бей его так сильно!» Зрители засмеялись, а судья вызвал боксеров на середину ринга и сказал: «Товарищи, вы видите преимущество Гудушаури, его опыт и мастерство, потому я останавливаю бой и объявляю его победу ввиду явного преимущества». Ребята бросились поздравлять Левана, со смехом вспоминают слова Маслова: «Обещаю сильно не бить».

Вот так, в прифронтовой полосе Москвы, довелось Левану снова надеть боевые боксерские перчатки, вспомнить этот вид спорта настоящих мужчин, что во-

шел в его плоть и кровь, определил место в жизни.

Родился он в 1912 году в селе Сно Казбегского района, в семье крестьянина-бедняка. У Эстате и Софьи Гудушаури было пять сыновей: Васо, Павле, Ираклий, Леван и Арчил. Отец в поисках заработка переехал во Владикавказ с детьми мал мала меньше, определил их в грузинскую пятилетнюю школу, сам трудился черноработчим на нефтяных промыслах вместе со старшим сыном Васо. Своего дома у них не было, часто съезжали с квартиры, ютились в одной комнатенке. Трудное было время, голодное. Первая мировая война, революция в России, гражданская война...

Эстате с семьей перебрался на ближний хутор. Хозяин оценил его редкую физическую силу и трудолюбие – дал корову и хорошую комнату. Тяжело приходилось всем, не было хлеба, продуктов. К тому времени Павле работал на строительстве ЗАГЭСа, забрал к себе следующего по возрасту брата – Ираклия. Леван ухаживал за лошадьми, состоял кучером при младшем брате хозяина хутора Амирхане, который выращивал породистых скакунов, принимая участие в беговых скачках.

Леван Гудушаури. Середина 40-х.

Скоро, в двадцать седьмом году, Леван вслед за своими братьями перебрался в Тбилиси. Как и его сверстники, молодые горцы, потянулся к знаниям. Поступил в трудовую школу, а окончив семилетку – в электротехникум, откуда вышел с дипломом техника-радииста, стал работать на радиостанции в Навтлуге.

Еще в годы учебы юноша-моховец богатырского телосложения, с богатым голосом, обратил на себя внимание Котэ Марджанишвили, который только-только переехал в столицу из Кутаиси и готовил постановку

Л.Гудушаури с женой Ж.Лабадзе. Боржом, 1937

по пьесе Эрнста Толлера «Опла, мы живем». По ходу спектакля ему предстояло исполнить два танца – вальс-бостон и танго. Одели Левана в подобающий случаю костюм и привели к его кумиру. Руководитель театра поставил его рядом с Цацой Мамулия, посмотрел на обоих и сказал довольный: «Подходящая пара. Приступайте к репетиции». На генеральной Константин Александров и ч

С женой и дочерью, 1941

сидел в партере, и когда Леван обеими руками поднял в танце партнершу и, лежащую на локте вытянутой руки, понес в кулисы, сказал: «Молодец, Гудушаури». Это его «молодец» было высшей похвалой в театре, и Леван почувствовал себя на седьмом небе. Вечером – премьера. Когда Леван закончил свое выступление, в зале раздались аплодисменты. Не сразу понял, что они предназначались ему. Танцы он строил на силовых, как сам их называл, гладиаторских приемах. Потому ему и поручили их исполнение.

Театр все больше увлекал. Марджанишвили отличал талантливого юношу, ввел в худсовет как представителя театральной молодежи. И уже поручал небольшие роли в спектаклях «Отелло», «Уриель Акоста», «Кваркваре Тутабери», «Иные нынче времена», в которых были заняты Ушанги Чхеидзе, Георгий Шавгулидзе, Шалва Гамбашидзе, Васо Годзиашвили. Ки-

норежиссер Давид Рондели пригласил Левана на главную роль в фильме «Аршаула», состоялись кинопробы, но Марджанишвили на съемки не отпустил.

Леван брал уроки у Ольги Шульгиной, профессора Тбилисской консерватории, обрабатывал голос – драматический тенор – и педагог предсказывала ему «большое будущее», советовала оставить театр и всецело заняться вокалом.

В 1933 году Марджанишвили пригласили для постановки спектакля в Москву, где он скоропостижно скончался. Марджанишвили театр в одночасье осиротел, и Леван с головой ушел в учебу.

Но что это мы все о его приобщении к миру искусства?

Уже в тридцатом посещавший секцию бокса товарищ привел Левана в спортзал на крыше Дома профсоюзов, что размещался в гостинице «Тбилиси». Увидев его, тренер велел немедленно одеть тренировочные перчатки и, как говорят боксеры, поработать с товарищем. Так состоялось знакомство с его первым наставником Гургеном Гаспаряном, ставшим другом на всю жизнь. Через два месяца Леван Гудушаури выиграл первенство Тбилиси. Видевший его в матче боксеров Грузия-Армения Георгий Эгнаташвили посоветовал поступить в Закавказский индустриальный институт имени Кирова. Леван – студент строительного факультета по специальности архитектура. И не последняя фигура в вузовской футбольной команде, сильнейшей в Закавказье. Играет вместе с Борисом Пайчадзе, Гайозом Джеджелава, Гвачи Джорбенадзе, Како Каличава, Арчилом Кикнадзе...

Но выбор сделан – в пользу бокса. Отменные физические данные, упорный труд в зале, шлифовка механики движения, доведенная до автоматизма, – поставленный нокаутирующий удар очень скоро выдвигают Левана Гудушаури в ряд самых популярных спортсменов Грузии. Его манера боя больше тяготеет к американскому стилю – атлетическому, атакующему, темповому. Грузинский Джек Дэмпси? К сравнению с абсолютным чемпионом мира 20-х годов, лестному для молодого боксера, все чаще прибегают специалисты.

В марте тридцать седьмого в Тбилиси состоялась матчевая встреча со сборной Ленинграда. Восемь часов вечера. На улице Бесики, на подходах к клубу имени Дзержинского, море народа. Гудушаури с трудом пробивается к подъезду. Знакомые и незнакомые люди напутствуют его перед боем: «Смотри, не подкачай!» Он в ответ плечами пожимает: бокс непредсказуем, один сильный удар может решить исход поединка. А так обещает постараться. Ему последним выходить на ринг. С самого начала намечает тактический рисунок боя – ставку на сильный удар. Первый раунд выиграл без труда, навязав Морозову быстрый темп и атакуя сериями. Во втором – противник больше вязался, избегая боя. На последней минуте раунда бьет головой и рассекает леванову бровь. В перерыве над бровью

колдуют врачи и секунданты, но кровь по-прежнему бьет фонтаном. Хотели остановить соревнование, но Леван не позволил, знал: обязательно выиграет. Вышел на последний третий раунд. Морозов все так же целит в голову, в поврежденную бровь. Но Леван хозяин ринга. Судья объявляет о его победе. Болельщики усаживают его в «эмку» и везут в больницу наложить швы на бровь. Кто-то говорит, что после такой победы его надо бы везти в «линкольне».

В первенстве страны 1938 года Леван выступил в новой для него категории «линкоров», в тяжелом весе. Вместе с другом Андро Навасардовым. И первая же встреча – серьезнейшее испытание. Недавний «крейсер» дерется с флагманом отечественного бокса Николаем Королевым. В первом раунде Левану удается провести сильнейший удар. Двукратный абсолютный чемпион страны в «гrogги». Первый раунд за Гудушаури. Во втором раунде Королев идет в атаку. Особенно опасна его левая рука, которой обычно он, как кувалдой, бьет наповал. Леван все внимание сосредоточил на этой руке. Москвич разгадал его план и меняет тактику, заканчивая досрочно бой. Гудушаури проиграл, но неудачником себя не считает. Ему удалось потрясти самого Королева и вызвать овацию зала. Просто сильный уступил более сильному. В итоге он третий призер в тяжелом весе, после Королева и Навасардова.

Второй бой с великим Королевым состоялся в срок третьем, за звание абсолютного чемпиона страны. Старший лейтенант Гудушаури с самого начала перешел к атакующим действиям. Излишняя вера в собственные силы обернулась его поражением в первом раунде. Королев дарит ему свою фотографию с памятной надписью: «Дважды пострадавшему и очень хорошему человеку и настойчивому спортсмену. 2 сентября 1943 года». Во втором бою Леван одержал важную победу над чемпионом страны в полутяжелом весе Виктором Степановым, показав большую силу своих ударов и решительность в атаке, как отмечал в «Красном спорте» заслуженный мастер спорта Константин Градополов, к слову сказать, первый тренер Николая Королева. Следующий бой – с многократным чемпионом СССР довоенных лет в полусреднем и среднем весе Иваном Ганыкиным. Два первых раунда Гудушаури убедительно выиграл, противник дважды побывал в нокдауне. В третьем раунде Ганыкин в ближнем бою повредил ему бровь, и грузинского боксера сняли с соревнования ввиду травмы. На всесоюзном первенстве 1944 года Гудушаури второй после Степанова. Спорное решение судей вызвало тогда протест спортивной общественности.

Сорок пятый, последний год войны, принес Гудушаури сразу два диплома чемпиона страны. В апреле, когда советские войска вели бои на подступах Берлина, в составе сборной Тбилиси (старший тренер – заслуженный мастер спорта Александр Гольдштейн) он победил в команде, за которую также выступали Борис Каладзе, Габриел Ханукашвили, Георгий Вартанов, Эдуард Аристакесян, Шалва Горгаслидзе, Борис Меладзе, Шалва Двали, Андро Навасардов – созвездье

Л.Гудушаури, В.Рудометкин, А.Навасардов, Ш.Горгаслидзе, А.Аветисян. Ленинград, 1938

чемпионов, сплав опыта и молодости.

В личном первенстве Гудушаури стал первой перчаткой в полутяжелом весе, победив в финале эстонского чемпиона Салонга. В ноябре в Московском госцирке при огромном стечении зрителей звание абсолютного чемпиона страны оспаривали тяжеловесы Королев, Навасардов, чемпион Эстонии Мартин Линнамяги и полутяжеловес Гудушаури. Леван бьется с Королевым, мужественно и активно встречает атаки мощного противника, но после шести раундов все же уступает победу. В очередном чемпионате страны Степановы – сразу три брата – боролись за первенство в полутяжелом весе. Заслуженный мастер спорта Виктор Степанов в полуфинале нокаутировал соперника, но повредил руку и выбыл из соревнования. Младший из братьев – Геннадий проиграл Гудушаури, работавшему энергично и тактически умело. Золотая медаль на этот раз досталась Анатолию Степанову.

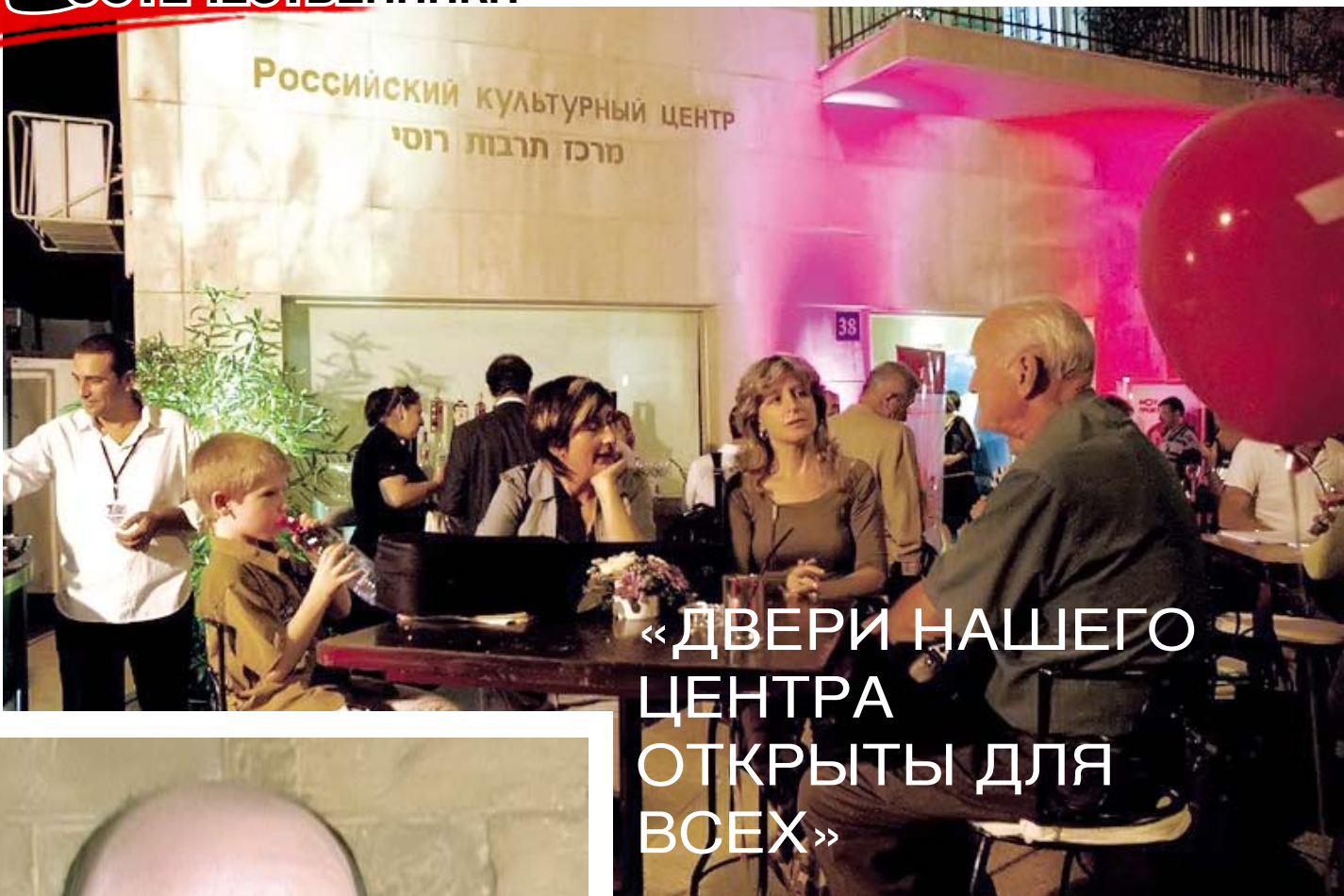
В 1948 году 36-летний Гудушаури выиграл Спартакиаду республик Закавказья, блеснув неувядаемым мастерством.

В его боевом списке – 137 встреч на ринге и только девять поражений. Заслуженный мастер спорта, судья всесоюзной категории возглавляет городскую и республиканскую федерации бокса, готовит сборную Грузии к ответственным соревнованиям, он директор созданной по его инициативе Глданской спортшколы-интерната.

Вклад Левана Гудушаури в воспитание молодого поколения отмечен званием заслуженного педагога.

Увлеченный работой, не сразу замечает, как болезнь точила могучий организм. Когда в июне 1979 года Левана Гудушаури не стало, друзья, приводя в порядок бумаги боксера, обнаружили запертый ящик шкафа. Какие же ценности накопил неутомимый труженик? В ящике были многие пары выдавших виды боксерских перчаток, аккуратно сложенные. Чемпион мечтал открыть в родном селе Сно школу бокса. Эти перчатки передала землякам Лиана Пиранишвили-Гудушаури на вечере памяти отца.

Арсен ЕРЕМЯН

Александр Крюков

В 2007 году в Израиле открылись представительство Росзарубежцентра и Российский культурный центр, которые возглавляет первый секретарь Посольства России, известный ученый-гебраист, кандидат исторических и доктор филологических наук, бывший заведующий кафедрой иврита Еврейского университета в Москве, автор почти трехсот публикаций об Израиле, языке иврит и ивритской литературе, переводчик на русский нескольких книг современной ивритской прозы Александр Крюков.

- Александр Александрович, расскажите о Центре и организации, которую Вы представляете в Израиле?

- Российский культурный центр (РКЦ) и представительство Росзарубежцентра открылись в октябре прошлого года. Росзарубежцентр – давно и хорошо известная во многих странах мира организация, ведущая свою историю с 1925 года, когда она называлась Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС), позднее название изменилось на Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ССОД). Основу высокого авторитета и известности нашей организации в мире заложили своим участием в ее деятельности и развитии «народной дипломатии» всемирно известные российские и иностранные общественные деятели, выдающиеся представители культуры и искусства, ученые, журналисты и писатели. Можно назвать имена С. Вавилова, А. Эйнштейна, В. Маяковского, М. Шолохова, Д. Шостаковича, Э. Хэмингуэя, Р. Тагора, Б. Шоу, Ю. Гагарина, А. Баталова и многих других.

Сегодня Российский центр международного научного и культурного сотрудничества (Росзарубежцентр) имеет статус государственного органа при МИД России. Руководит организацией известный российский дипломат, ученый и общественный деятель Э.В. Митрофанова. Как и ранее, Росзарубежцентр располагается в Москве на улице Воздвиженка, в известном многим москвичам знаменитом особняке семьи Морозовых. Представительства Росзарубежцентра функционируют более чем в 60 странах мира, в 50 странах работают российские центры науки и культуры, оснащенные всем необходимым для проведения конференций, выставок, концертов, клубной работы, преподавания русского языка.

Межправительственное Соглашение об открытии и функционировании культурных центров в России и Израиле было заключено в 1996 году, хотя еще до этого в России начали действовать три израильских культурных центра: с 1991 года в Москве, с 1992 – в Санкт-Петербурге и с 1993 – в Новосибирске. Таким образом, даже до подписания названного соглашения российская сторона продемонстрировала свое доброжелательное и конструктивное отношение к начавшемуся в начале 1990-х годов процессу сближения и взаимного обогащения наших культур.

- Как Вы, ученый-гебраист, после десятилетий академической работы стали дипломатом и директором Российского культурного центра?

- Еще в начале 1980-х годов, будучи молодым ученым, сотрудником Института социологии Академии наук СССР, я уже имел некоторое отношение к ССОДу: в качестве переводчика работал с очень многочисленными тогда израильскими делегациями, приезжавшими в Москву. Это были, в основном, группы активистов израильского Комитета защиты мира и Движения дружбы «Израиль – Советский Союз». Мне было интересно общаться с израильтянами, чтобы, прежде всего, сохранить разговорный иврит.

И вот после двадцати пяти лет научно-исследовательской и преподавательской работы, я стал сотрудником Росзарубежцентра. Произошло это почти случайно. Я узнал о намерении Росзарубежцентра открыть РКЦ в Израиле от тогдашнего директора Израильского культурного центра в Москве Карми Эльберта, доброжелательного человека и прекрасного специалиста. Более того, в феврале прошлого года на встрече с директорами иностранных культурных центров в Москве, которую проводила руководитель Росзарубежцентра Э.В. Митрофанова, г-н Эльберт, зная меня как ученого – специалиста по Израилю, рекомендовал ей мою кандидатуру на пост директора центра в Израиле. Я давно хотел поработать в Израиле. Мне интересна страна, ее язык и культура, здесь у меня много друзей и научных интересов. Вот почему ради новой работы в Израиле я оставил свою научную и преподавательскую работу в Москве, где до последнего времени был профессором ивритской филологии на кафедре иудаики Института стран Азии и Африки МГУ. До этого я приезжал в страну несколько раз – на международные научные конференции по ивриту, читал лекции о положении дел в Советском Союзе и т.д. объездил Израиль от деревни Марджэль-Шамс на севере до Эйлата на юге, от Ницаны на западе, до Мертвого моря на востоке, но мне не удалось пожить и поработать в Израиле длительное время. Поэтому, получив предложение стать директором РКЦ в Тель-Авиве, я сразу согласился и начал готовиться к работе.

- Каковы основные цели и задачи деятельности представительства Росзарубежцентра и Российского культурного центра в Израиле?

- Культурно-просветительская и информационная работа за рубежом сводится, в целом, к нескольким основным направлениям деятельности. Это, прежде всего, знакомство зарубежной общественности с нашей страной: фотовыставки, выставки живописных работ, курсы русского языка, концерты музыкальных коллективов из России, демонстрация новых российских фильмов, празднование знаменательных дат

русской истории, рассказ о национальных праздниках, событиях сферы культуры и науки... В Центре создана библиотека с фондом художественной и информационной литературы о России, периодически издаются, у нас можно послушать выступления и лекции интересных людей, приезжающих в Израиль из России.

- Задачи Российского культурного центра каким-то образом координируются с недавно обнародованной программой российского правительства о работе с бывшими соотечественниками?

- В Израиле проживают сотни и сотни тысяч выходцев из Советского Союза, России и других стран СНГ. Эти люди испытывают особое отношение к русской культуре. Несомненно, они одна из аудиторий нашей работы, но должен сказать: задачи, которые мы ставим перед нашим Центром, это работа на максимально широкую израильскую аудиторию. Мы хотим многое рассказать о современной России, ее достижениях, успехах и трудностях коренным израильтянам, пригласить их приехать к нам в страну, расширить культурное, научное и экономическое сотрудничество с нашей страной.

- Ваш Центр называется Российский, а для бывших граждан Молдавии, Украины, Белоруссии, Грузии и т.д. двери открыты?

- Двери нашего Центра, разумеется, открыты для всех. Мы работаем пять дней в неделю с утра до вечера со всеми, кто приходит к нам. Есть и выездные мероприятия.

- Сотрудничаете ли Вы с Российскими культурными центрами в других странах? Наша организация – Международный культурно-просветительский союз «Русский клуб» считает своей главной задачей всестороннее развитие сотрудничества, дружбы и взаимопонимания между двумя независимыми государствами Россией и Грузией. Деятельность «Русского клуба» направлена на укрепление и развитие взаимосвязей двух стран в области культуры, искусства, образования, науки, спорта, туризма. Можем ли мы, например, организовывать какие-либо совместные мероприятия (выставки, лекции, семинары, фестивали и так далее), чтобы сблизить культуры разных народов, которые, на самом деле, имеют много общего.

- Разумеется, мы открыты для сотрудничества. Могу сказать Вам, что к нам на мероприятия регулярно приходят сотрудники посольства Грузии в Израиле, бывает и Посол Грузии. Например, недавно мы с ним встречались в нашем Центре на вечере, когда у нас выступал мэтр мирового кинематографа Отар Давидович Иоселиани.

- Вы автор почти трехсот публикаций об Израиле, иврите и израильской литературе, переводчик на русский нескольких книг современной израильской прозы. Кто из известных израильских писателей Вам ближе?

- Мне нравятся некоторые современные молодые израильские прозаики, они пишут динамично, оригинально, выразительно и лаконично.

- Три авраамические религии оказали влияние на всю культуру Запада и Азии, пожалуй, за исключением Дальнего Востока. Русская и грузинская литературы, естественно, напрямую связаны с Библией. Многие впоследствии известные израильские поэты приехали из России (Хаим Нахман Бялик, Шауль Черняховский,

например)... Каким Вы видите современное культурное пространство Израиля? К чему тяготеет литературная элита: к западной культуре или восточной? Какое место, по Вашему мнению, занимает в ней русская литература?

- В 50-е годы прошлого века молодая израильская литература и поэзия начали отходить от прежней безусловной ориентации на классическую русскую литературу. Сегодня ивритская проза и поэзия во многом базируются на последних веяниях в американской, французской и английской литературах.

- Выдающийся израильский писатель, член Академии языка иврит, лауреат Государственной премии Израиля и многих престижных мировых премий, один из кандидатов на Нобелевскую премию в 2006 и 2007 годах Амос Оз приезжал в Иерусалим, чтобы пообщаться с Вами. Кстати, Амос Оз считает, что русская литература оказала огромное влияние на израильскую. Вы согласны?

У памятника Красной Армии под Иерусалимом

Амоса Оза о том, что его «корни покоятся в русской почве и простираются там далеко в глубь веков. Родители дома часто говорили по-русски – особенно когда они хотели, чтобы я не понимал, о чем они беседуют. С юности я читал великую русскую литературу XIX века – разумеется, в переводах на иврит (а позднее я с восхищением прочитал и Платонова, и Булгакова, и Андрея Битова). Квартал в Иерусалиме, где я вырос, был кварталом еврейских беженцев из России и Польши. Их ортодоксальная одежда, обычаи, манеры – все это было вывезено ими из российской земли. Сама атмосфера в нашем доме была во многом русской... Отношение моих родителей к Европе и к России, в частности, напоминало неразделенную любовь.

Наш дом был наполнен тоской и воспоминаниями об оставленных местах»... В Израиле больше миллиона русскоязычных жителей. Вы со многими успели пообщаться. По Вашим наблюдениям, сильна ли у них ностальгия?

- Пожалуй, нет. Приехав на «историческую родину», евреи стараются максимально адаптироваться во всех сферах жизни здесь, но культурная абсорбция длится не менее одного-двух поколений. Особенно трудно людям, приехавшим в возрасте 25-30 лет и

Иерусалим

- Разумеется, об этом мы уже говорили ранее.

- Не могу не вспомнить еще слова

старше. Они, как правило, в культурном плане остаются «русскими».

- Интересуется ли современная израильская молодежь Россией, ее культурой?

- Очень немного. Израиль, в целом, ориентирован на Запад и особенно – на США. Там, например, постоянно живут и работают сотни тысяч израильтян.

- Бывали ли Вы в Грузии, и если да, какое впечатление осталось от страны?

- Я бывал в Грузии. Это очень красивая и интересная страна. Грузины – красивый, гордый и сильный народ, гостеприимный и доброжелательный.

Мне особенно помнится приезд в Грузию в середине 70-х годов прошлого века, когда мы – студенты-историки Института стран Азии и Африки МГУ работали на археологических раскопках под селением Жинвали. Теперь там водохранилище.

Инна КУЛИШОВА

Телефон известного грузинского правозащитника, председателя Комитета по правам человека и гражданской интеграции Парламента Грузии. Елены Тевдорадзе звонит непрерывно. Наряду с законодательной деятельностью ее постоянно приглашают на различные мероприятия. Она пришла в политику после многолетней работы в системе образования. По словам Елены Тевдорадзе, как политика ее сформировал Зураб Жвания.

«Главное для женщины - семья»

-Елена Константиновна, вы ребенок блокадного Ленинграда...

-Я родилась в Ленинграде, незадолго до начала войны. Мой отец после окончания школы работал на ксанском заводе стеклотары и его как передовика производства направили учиться в Ленинградский политехнический институт. Отец был из довольно состоятельной семьи. Мой дед был художником-декоратором и семья жила на широкую ногу. Но дед считал, что сын должен всего добиться сам.

В Ленинграде отец познакомился с моей мамой, и они поженились. После окончания института отец год

проработал в проектом институте, но началась финская война и его призвали в армию. После войны отца оставили как кадрового офицера в армии, и он, даже не успев вернуться домой, вновь уехал на фронт. Началась Вторая мировая война. Последнее письмо с фронта было отправлено им домой из Брянска 29 ноября 1941 года. В это время под Москвой велись ожесточенные бои. Нам так и не удалось узнать, где находится могила отца. Поэтому когда бываю в Москве, я обязательно хожу на могилу Неизвестного солдата. У нас в Тбилиси тоже есть могила Неизвестного солдата, и 9 мая я хожу туда, как на могилу отца.

Мама всю войну провела в Ленинграде, работала в медчасти Политехнического института. Когда была проложена дорога жизни по Ладожскому озеру, мой дед отправился в Ленинград и привез меня в Грузию. Мама осталась в блокадном городе и была там до 1946 года. Меня растили бабушка с дедушкой, и только во втором классе мы вновь встретились с мамой.

-Позднее вам довелось посетить свой дом в Ленинграде?

-Мои родители жили в студенческом общежитии. Это было недалеко от станции метро «Политехнический институт». Мы с мамой, когда я уже поступала в Ленинградский университет, побывали на берегах Невы. В том общежитии еще проживала одна семья, которую мама знала со времен войны.

А в последний раз я посетила Санкт - Петербург пять лет назад во время работы на одном из форумов.

-Какие чувства вы испытываете сейчас, когда отношения между Грузией и Россией оставляют желать много лучшего.

-Мне очень больно. Я обычно представляюсь как русскоязычная грузинка. Так сложилось, что в мою жизнь, сначала вошел русский язык. Все, что связано с русским языком, культурой, искусством мне очень близко и дорого. Когда я даю интервью грузинским журналистам, то мне бывает трудно признаться, что я недостаточно знаю грузинскую литературу, но ведь я получила русское образование.

Мне много больнее, когда в составе грузинской делегации в Совете Европы мы бываем оппонентами российских депутатов вместо того чтобы говорить об объединяющих нас вопросах. Все, что происходило все эти годы, особенно эта несправедливость в отношении Абхазии и Южной Осетии, не располагает на спокойную беседу с коллегами. И кстати, они меня понимают и даже шутят: «Приезжайте работать к нам в Россию, у нас немного таких правозащитников, как вы ».

В моем кабинете вы видите картину «Старый Тби-

Е.Тевлорадзе и Н.Бурджанадзе

З.Жвания, Е.Тевлорадзе, А.Варсимашвили

лиси», купленную председателем Комитета Госдумы РФ по международным делам Константином Косачевым в Париже в дар грузинской делегации. Это было во время очередного витка напряжения отношений между нашими государствами. И вот, наверное, когда кому-то надо было бросить белый платок, наши российские коллеги в ПАСЕ преподнесли нашей делегации эту картину.

Но я не теряю веры, что взаимоотношения наладятся на благо наших народов. Мы должны быть справедливыми друг к другу.

-У вас не прекращается прием посетителей. Вы пропускаете через себя столько эмоций, боль людей, а где вы черпаете энергию для работы?

-Мне трудно объяснить. Но полагаю, что я человек с сильным характером и это помогает. В самые решающие моменты я не впадаю в панику. В своей жизни я пережила два очень тяжелых периода. Это когда мой сын и невестка попали в аварию и не было надежды, что они выживут. Но знаете, как я боролась за их жизнь.

Другой случай произошел в школе, в бытность мою завучем. Мне сказали, что во дворе дерутся школьники. Выйдя во двор, я увидела две группы ребят с обломками стекол в руках, идущих друг на друга. И тут я встала между ними и думала только о том, как остановить их. Это уже потом я осознала всю серьезность положения.

Когда ко мне обращаются люди за

Вид Тифлиса, начало XIX в. Подарок российских коллег

С экс-президентом Израиля Моше Кацавом

помощью, в ходе приема я думаю об одном – как лучше решить вопросы и как лучше объяснить им законы.

-После развода вы одна растите ребенка. Согласитесь, для женщины — это отважный поступок.

-Я бы не согласилась с таким определением. Каждая женщина заслуживает счастья в личной жизни.. Другое дело, как сложится ее жизнь. Я не смогла построить счастье, у меня не получилось. Я постоянно думала, как воспримет мой сын нового человека, насколько ему будет хорошо. Такое решение мать принимает самостоятельно. Все очень индивидуально.

Не знаю, может быть, я и ошибалась, не выйдя вновь замуж. Мой избранник мог оказаться прекрасным отцом для ребенка и мне было бы легче его воспитывать.

-Что все-таки главное в женской судьбе?

-Для каждой женщины на первом месте должна быть все-таки семья. Если ты смогла приложить все усилия для создания благополучия в семье, то сможешь успешно реализовать себя на другом поприще. Вот я смотрю на Нино Бурджанадзе - она прекрасная дочь, жена, мать. В то же время прекрасный политик.

-А вы уделяете достаточное внимание своим внукам?

-Последние пятнадцать лет я практически оторвана от домашних дел. У меня со своими близкими больше телефонные разговоры. Помню, моей внучке Софику

было восемь лет. У нее было день рождения, а я мне предстояла деловая встреча с Эдуардом Шеварднадзе. Внучка меня спрашивает: «Шеварднадзе богатый человек? Если да, пригласи его к нам на день рождения, он принесет мне подарок».

У меня два внука - Тенгиз и Софья. Они уже создали свои семьи. Знаете, внучку я назвала в честь мамы Софьей, своего сына – Константином. Так что в именах моих близких объединились имена моих родителей.

Миранда ОГАНЕЗОВА

Юрий Чиковани

МЫ С ТОБОЙ ОДНОЙ КРОВИ

Первое, чему учит Евангелие – уважению к предкам!

Новый Завет начинается фразой: «Родословие Иисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамова». И далее: «Авраам родил Исаака. Исаак родил Иакова», и т.д. - сорок два рода до Христа.

Так не «родословие» ли является ключевым словом божественного послания?

А уж потом даны нам заповеди и библейские легенды как техника и инструменты жизни?

Как же иначе, не ощущая глубины связи поколений, эволюционировать сознанию? Как понять, что есть кармический грех?

К сожалению, 20 веков большая часть человечества трактует каждую строку Писания, игнорируя первый послыл. Мы не знаем и не хотим знать своей родословной, предпочитая плоское осознание собственного «я». Возможно, что без этого знания человечество и не может развиваться. Национализм, нетерпимость, фанатизм, экстремизм – ничего не меняется веками и повторяется

вновь и вновь.

Когда в прошлом веке человечество начало самоуничтожаться в газовых камерах, шокированные Небеса послали нам знание законов генетики, чтобы возбудить интерес к собственному родословию. Но, тщетно. Мы использовали новые знания в генной инженерии.

Однако есть в мире люди, семьи, династии, которые знают и изучают свои генеалогические древа, а поэтому живут в мире неизмеримо большем наших представлений о нем.

Я в гостях у единственного специалиста по родословным грузинских дворянских и княжеских семей, действительного члена Международной генеалогической Академии во Франции, основателя «Грузинского генеалогического общества» Юрия Константиновича Чиковани.

Филолог по образованию, старший преподаватель кафедры английского языка института иностранных языков, и одновременно, шахматист, четырехкратный чемпион Тбилиси, заслуженный тренер Грузии, в свое время тренировавший Майю Чибурданидзе и Зураба Азмайпарашвили.

Прекрасные манеры и речь, спокойная искренность рассказов, и, на мой взгляд, утрированная ответственность за все, что происходило в жизни. Человек, живущий многогранно и с большим вкусом.

Десятки папок с толстыми фолиантами выстроились на полках в рабочем кабинете. В них все тайны старинных грузинских и абхазских родов. Ответы на сегодняшние вопросы и объяснения кто мы и как такими стали. Целый лес генеалогических древ, в котором он лесничий.

Тренированному уму, привыкшему рассчитывать не на один, а на несколько ходов вперед, все время нужна новая информационная пища. Так появилась страсть к генеалогии. В ней столько ребусов, вариантов, лабиринтов, на двадцать лет уведших его в дебри архивных полок.

Все началось с того, что любителю исторических трактатов захотелось узнать, осталось ли что-либо от великих людей? Играючи составил генеалогии Наполеона, Тамерлана, Шопена, Рахманинова. Род последних трех, увы, иссяк. Но потомки Наполеона и сегодня живут в Тбилиси.

Сын Наполеона, как известно, умер молодым. Но одна из сестер – Каролина, вышедшая замуж за маршала Мюрата, имела детей. Ее внук, внучатый племянник Наполеона – Ашиль Наполеон Мюрат, рожденный в 1847 году, женился на дочери последнего владельца Мегрелии Давида Дадиани и Екатерины Чавчавадзе – Саломе. Поселились молодые в Зугдиди и родили троих детей. В 1895 году Ашиль Мюрат скоропостижно скончался. После его смерти Саломе забрала детей – Люсьена, Наполеона и Антуанетту – и навсегда уехала в Париж.

Наполеон и Антуанетта были бездетными, а Люсьен женился на герцогине Мари де Роан-Шато и имеет сегодня десять здравствующих потомков. Внук Саломе,

тоже Ашиль Мюрат уже в очень преклонном возрасте посетил Грузию и побывал в родовом имении. Очевидно, после его отъездов, потянулись на родину предков и другие Мюраты.

В Тбилиси живут 23-летняя Анастасия и 18-летняя Матильда со своей мамой Вероникой де Шато-Транкур – кровные потомки Дадиани, Александра Чавчавадзе и Наполеона.

Изучением собственной родословной Юрий Константинович занялся довольно поздно – лет в 45-46. Единственным источником семейной информации была сестра отца, проживавшая в Зугдиди. Пришлось основательно поработать в архивах. Всплыли уникальные факты!

Мой собеседник рассказывает:

- Род Чиковани в Мегрелии появился около середины XVII века. Мои предки были амбициозными, чрезвычайно предприимчивыми, и вытеснили исконную династию Дадиани.

Была такая престижная территория в Мегрелии – Салипартиано – прекрасные пастбища, уголья, много крестьян. По традиции рода Дадиани, старший сын становился царем, младший же получал во владения Салипартиано.

Кация Чиковани был видным человеком при дворе Левана Третьего Дадиани. Но случилось необъяснимое. За какие-то заслуги ему была пожалована территория Салипартуано. После чего он стал именоваться князем Кация Чиковани-Липартуани.

А далее его сыновья Георгий, Иесе и Отия свергли Левана IV Дадиани и изгнали его вместе с семьей в Трабзон.

Уже с 1704 года Мегрелией правил Кация Первый Чиковани-Дадиани, сын Георгия.

Сын Левана Дадиани с семьей из Турции переселился в Россию, где был принят с большими почестями.

С супругой И.Квирквелия-Чиковани

Было несколько ветвей княжеского рода Чиковани. Наша ветвь семьи, идущая от Иесе, владела тремя селениями. Одно из них – Ткаиа находилось на берегу реки Ингури. На другом берегу было селение Саберио, что в Гальском районе Абхазии. Там издавна проживали три княжеских рода – Шервашидзе, Чкотуа и Анчабадзе. Князья Чиковани общались и роднились с князьями на другом берегу. Потому во мне немало и абхазской крови.

Рядом в лесах Самурзакано Гальского района скрывался весь мятежный люд. Во-первых, было кого грабить. По обе стороны реки плотно селились князья.

Во-вторых, очень долго Абхазия сопротивлялась присоединению к России, тогда как другие регионы Грузии в основном присоединились добровольно. России пришлось применить военную силу. Поэтому все, кто был в конфликте с властью, укрывались в Самурзакано.

К сожалению, я единственный обладатель информации по генеалогии абхазских княжеских родов, так как успел обработать первый фонд Сухумского архива до того, как он полностью сгорел во время грузино-абхазской войны.

В прошлом году увидела свет моя книга «Род абхазских князей Шервашидзе».

Невозможно прорабатывать генеалогии одного рода, не изучив и другие, с которыми фамилия пересекается. Только в Тбилиском архиве находятся уникаль-

ные материалы: фонды Тифлиского дворянского депутатского собрания, начиная с 1820 года, метрические книги со всей Грузии – с 1805 года. Два десятка лет назад началась для Юрия Константиновича ежедневная кропотливая работа, которая не прекращается. За эти годы составлены родословные более сотни фамилий.

Когда информации о грузинских родах становится очень много, Юрий Чиковани основывает в конце прошлого века «Грузинское генеалогическое общество» и возглавляет его по сей день. Он пишет и издает книги. В роскошном издании выходят: «Князья царства Грузинского», «Князья Чавчавадзе», «Князья Чхеидзе» и т.д. В серии «Дворянские роды Российской Империи» почти целый том посвящен грузинскому царскому дому и дворянству.

Конечно, это историческая миссия, подобная той, что была осуществлена в Грузии в 1800-х годах по указу Его Императорского Величества и Российского Сената.

Дело в том, что до присоединения к России, в Грузии не было метрических книг. Они появились лишь в 1805 году. В 1820-м началась перепись князей и дворян. Представители этих сословий в обязательном порядке должны были внести в Тифлиское дворянское депутатское собрание заявление и документы, подтверждающие принадлежность к фамилии, а также сведения о представителях своих семей. Если же все документы сгорали во время пожара или бывали полностью утеряны, необходимо было привести 13 человек, подтверждающих информацию о родословной и подписавшихся под ней. Многие семьи плохо помнили подробности. Списки были очень приблизительными. И лишь Багратиони и Туманишвили точно знали свою генеалогию.

Составленные списки князей и дворянства рассматривались и утверждались российским Сенатом, а потом и самим Государем Императором. Те, кто в них состоял, имели серьезные привилегии. Они освобождались от налогов и воинской повинности. Имели право на получение высшего образования и офицерских званий.

- Поверьте, это огромное удовольствие находить информацию о ком-то из предков. Я долго не мог найти в архивах своего прадеда. Сведения о нем обнаружили в Кутаисском архиве. Помню, какую испытал радость. Зашел в ресторан, сел один за столик, заказал какое-то блюдо и две бутылки подходящего к нему марочного вина. Молча поднял бокал за прадеда, потом за деда, за отца и за моего сына. Каждый выпил до дна. Помню удивленный взгляд молодой официантки. Ей было не понять, что за моим столом незримо пировали пять поколений моего рода, самые близкие мне люди.

Только что Юрий Константинович сказал то, что я хотела услышать в подтверждение своих ощущений. Как только ты открываешь для себя своих предков и называешь их поименно, они начинают помогать тебе и оберегать! Надо только знать их, помнить и мысленно обращаться к ним за советом!

Ирина МАСТИЦКАЯ

Выйти замуж за грузина? 30 лет назад – запросто!

Тогда еще никто не знал, что «дружба народов окажется мифью». Национальность? Да какая была разница? В Москве было полно иностранцев, не говоря уж о представителях «нерушимого союза республик свободных» – те были совсем своими: украинцы, прибалты, узбеки, грузины, армяне... А выпускник московского вуза мог получить распределение в любую республику Союза. В нашем классе список учащихся начинался с Акопяна, но нам и в голову не приходило выяснять, кто Сашка – ну, армянин, и что? А еще был Валерка Деникаев – наверное, татарин. Все знали, что у Валерки бабушка неграмотная, ни читать, ни писать

Выйти замуж за грузина...

С мужем и первенцем

по-русски не умеет, но Валерка говорил, что у нее есть книжки с какими-то закорючками и точками наверху, и она по ним что-то непонятное бормочет.

А вот грузин-ровесников я почему-то никогда не встречала – ни в театральной студии, ни в ГИТИСе. Конечно, мы знали о Сумбатове-Южине, Марджанове, Верико Анжапаридзе, но это были скорее мифы. Из реальных персонажей старшего поколения я знала только режиссера Авксентия Гамсахурдия. Помню, как мы, студийцы, удивлялись, когда кто-нибудь из гостей называл его Асико. Как можно главного режиссера театра называть каким-то странным уменьшительным именем?! Все

знали, что он родом из Тбилиси, но он для нас был абсолютно своим, очень уважаемым режиссером. А еще в те времена в Москве был такой стереотип, что приезжие грузины носят кепки-аэродромы и у метро торгуют мимозой и лавровым листом. Конечно, московские студенты знакомств с такими не водили.

Со своим будущим мужем-грузином я познакомилась по почти подпольному случаю, когда уже после

Дочь Тамрико и сын Котэ

окончания ГИТИСа работала в журнале «Театральная жизнь». Иногда я бегала в церковь на Арбате, тайком, чтоб в редакции не знали, и мечтала о крестике – золотом или серебряном. Но в Москве в продаже их не было. Заказать тоже невозможно, сразу сообщает, куда надо, и можно загреметь с работы. Помню, как однажды в церкви нас записывали – имя, фамилия, место работы. Я только успела назвать фамилию, как стоявший рядом священник, знавший, кто я и где работаю, вдруг сказал вместо меня: «Она домохозяйка».

Мою мечту о крестике неожиданно исполнила ближайшая подруга моей старшей сестры, которая вышла замуж за грузина и уехала с ним в Тбилиси (на край света, как тогда казалось). В Грузии водились цеховики, и она свободно заказала золотой крестик. Переслать его в посылке было опасно, посылки досматривались, и она передала крестик с оказией. Молодой сотрудник их научно-исследовательского института энергетики, с которым они вместе работали, как раз уезжал в Москву, где учился в аспирантуре.

И вот однажды в моей московской квартире раздается звонок, и я слышу в трубке голос с жутким грузинским акцентом: «Па-а-просите Вэ-э-рочку». Я оторопела. Во-первых, от акцента, у меня не было знакомых грузин, во-вторых, в наших кругах не принято было называть уменьшительным именем, наоборот, в ходу были шуточные клички, прозвища. В трубку я сказала, что вы, наверное, ошиблись номером. Мы какое-то время еще препирались, выясняли номер телефона и, наконец, неизвестный сказал, что он от нашей знакомой из Тбилиси, и должен передать мне посылку. Все прояснилось, но сначала шок был сильный. Посылку я получила и в знак благодарности несколько раз пригласила его на спектакли, благо по заданию редакции смотреть надо было все премьеры.

Надо сказать, что сначала мы друг другу внешне совсем не понравились. Нам было просто интересно разговаривать, узнавать что-то новое. Я балдела от его впечатлений о московской жизни, от рассказов о его московских хозяевах-алкашах, у которых он снимал квартиру, а он удивлялся нашему укладу жизни, не похожему на тбилисский, и непривычной свободе нравов. Будучи энергетиком по профессии, он любил музыку, закончил музыкальную школу, как полагалось в Тбилиси, и просто много знал, как все поколение «физиков-лириков». При встречах он рассказывал о Грузии, мы говорили о театре и музыке, обсуждали его научные дела, я знала эту сферу, благодаря первому техническому образованию.

В Тбилиси у него были свои друзья и подруги, которые ждали его возвращения, у меня свои – в Москве. Мы доверяли друг другу даже какие-то личные секреты, и очень подружились. Через два года мы поняли, что не можем обходиться друг без друга, и решили пожениться. Хотя я знала, что Котэ хочет вернуться в Тбилиси.

Наше решение было испытанием для родителей – и моих, и его. Мой отец, суровый, сдержанный человек, и тот нервничал: «Может, тебя что-то заставляет, так ты скажи». Я, конечно, вспыхнула – как это может быть?! «Ну, если ты твердо решила, то знай, что должна взять фамилию мужа, в нашем роду так принято». А родители Котэ – только теперь я могу себе представить, что они думали тогда! Как это их сын, будущий ученый, женится на русской, да еще на бывшей актрисе и нынешней журналистке?

Свадьба у нас была очень скромная, из Тбилиси родители Котэ прислали его сестру, Медико, на которую в Москве все заглядывались. На работе нам дали полагающийся отгул для новобрачных – три дня. После свадьбы я прихожу в свою редакцию, меня поздравляют, главный редактор тоже. И тут ему объявляют, что теперь вместо Макаровой у нас будет работать Церетели. Редактор аж подскочил: «Ты что, с ума сошла? Как я теперь буду тебя публиковать, кто тебя узнает?!» И мои материалы шли в журнале под девичьей фамилией.

Мы стали жить с мужем в нашей двухкомнатной квартире вместе с моими родителями, и они очень

полюбили Котэ. Мой строгий, неразговорчивый отец, кажется, впервые нашел себе понимающего собеседника. Он говорил: «Вот Костя – это человек». И никогда не садился ужинать, пока тот не придет с работы. Котэ был точен, как часы (в отличие от меня), мама накрывала на стол, и на кухне начинались застольные беседы – мы все были беспартийные, и говорили о политике такое, что не дай Бог, кто-нибудь из стукачей услышал бы.

Отец сразу же прописал Котэ в нашей квартире, по окончании аспирантуры научный руководитель мужа оставил его работать в своей лаборатории НИИ, его там очень ценили. У нас родился сын, очень спокойный и жизнерадостный – все было замечательно. Мы даже надеялись, что Котэ передумает возвращаться, ведь в Москве интересная работа, перспективы и замечательные коллеги, ставшие друзьями. Моя редакция тоже ждала моего возвращения после декрета. Когда сыну исполнилось полгода, Котэ сказал – пора! И я пошла с ним в паспортный стол, чтобы он выписался из Москвы, иначе в те времена было нельзя. Пожилой начальник паспортного стола долго смотрел на нас и сказал: «Я сижу тут 20 лет, и первый раз вижу грузина, который не прописывается, а выписывается из Москвы». Мне выписываться категорически запретил отец – это было единственное условие для моего отъезда.

И я впервые в жизни очутилась в Тбилиси. Тогда еще не знала, что навсегда. Июль – яркий свет, пронизывающее солнце, – то, чего мне всегда так не хватало в Москве. Из аэропорта приехали в тбилисский дворик в центре города, соседи в окошках, знакомое крыльцо и распахнутые двери. Радужный прием, грузинский говор, восторг родителей мужа от первого внука, который стал центром вселенной для этого дома. А его пухлые щеки с ямочками и смеющийся беззубый рот – символом счастья. В доме царил порядок и чистота – мать Котэ была хирургической медсестрой, а отец хирургом. Прибыв с работы, все занимались только ребенком. Родителям мужа было уже все равно, кто невестка по национальности и профессии, и какая она.

Большой поддержкой для меня была младшая сестра мужа Медико, с которой мы подружились еще в Москве. Она была студенткой, прекрасно говорила по-русски и посвящала меня в тонкости грузинской жизни и обычаев. Она много времени проводила с малышом, любила с ним гулять, ей нравилось, когда встречные думали, что это ее сын. Меня восхищал ее спокойный аристократизм, унаследованный ею от предков Церетели. Несмотря на свою молодость, она стала моим советчиком, консультантом и гидом. Конечно, вместе с Котэ.

Помню, как в первый же день они повели меня показать наш убани, чтобы я хоть немного ориенти-

ровалась и смогла найти дом. Мы спускались по улице Белинского, я как замороженная смотрела на замысловатые двери домов с чугунными завитками, потом мы пошли по Руставели, где тоже было на что посмотреть. Что меня удивило – вместо бегущих по делам людей в центре города неспешно прогуливались компании, причем, явно не туристов, а местных. После московской беготни это казалось нереальным. Но самое удивительное, при встрече все целовались – даже мужчины с мужчинами, а девушки при всех целовались с молодыми людьми! И это после рассказов мужа о строгости нравов. Я просто не верила своим глазам. Как же хохотали надо мной Котэ и Медико, объясняя мне, что это общепринятый знак дружбы. Я и потом долго не могла к этому привыкнуть.

Но самое большое открытие в тот день было на обратном пути. Меня повели домой другой дорогой – от Дома кино по крутой улочке, резко идущей вверх. Мы поднимались по непривычной брусчатке, и каково было мое изумление, когда высоченный памятник Руставели вдруг оказался вровень с нами, а под ногами на уровне тротуара – крыши домов! Это было невероятно! Глядя на неровности рельефа горбоносых тбилисских улиц, на горы на горизонте, я говорила, у вас как «на юге». Это я вспоминала Крым, куда каждый год с детства ездила отдыхать. Домашние хохотали надо мной: «А ты где, не на юге?» И еще смеялись, когда первый раз меня угощали инжиром, а я отка-

Котэ и Маша с младшим сыном Петром

зывалась, говорила, что он горький, я его пробовала в Крыму. Я тогда не знала, что инжир, оказывается, надо есть без шкурки ...

Открытий было столько, что не перечесть. Главное из них – особый уклад жизни тбилисского двора. Летом у всех двери нараспашку, соседи разговари-

вают друг с другом с балконов, кто выбивает ковры, кто перетряхивает подушки и матрасы, на натянутых во дворе веревках выставка одежды и белья. В общем, жизнь нараспашку, и все знают о соседях все. Большая коммуналка.... Запросто забегают, если нет зелени, мацони или чего еще. Идешь по своей улице, все здороваются, приходишь в булочную, тебе говорят, ваш муж уже купил хлеб.

Помню, как сразу после приезда мы поехали в Кхетию, там я впервые увидела осликов с тележками и поклажами, а утром ужасно испугалась ослиного крика. Виноградники меня просто поразили: ряды виноградных лоз с еще зеленым виноградом, редкие деревья по краю, и столько солнца! «Почему у вас здесь никто не загорает?» - «Загорай», – удивился муж и сел под деревом в тени. Я легла в купальнике на солнцепеке, но минут через пять вскочила и сразу поняла, почему в июле в Грузии предпочитают тень. А вечером с бабушкой Котэ Шушаной мы сидели у камина и разговаривали – она по-грузински, я по-русски, и нам было так хорошо, а главное, все понятно!

Солнце, долгое лето, бархатная осень – все замечательно. Единственное, чего мне не хватало в Тбилиси – снега зимой. Даже не самого снега, а его ощущения – белого простора вокруг. Глазам хотелось контраста.

Но если бы мои впечатления от Грузии ограничивались природой и бытом, наверное, жить было бы не так интересно. Но я прилетела в Тбилиси еще и с заданием от своего журнала – сделать материал с Верико Анджапаридзе, причем срочно. Когда домашние Котэ узнали об этом, переполошились: «Как ты пойдешь к ней? У нас нет даже общих знакомых». Я удивилась, а зачем знакомые? Я нашла ее телефон в справочнике, позвонила, представилась, и мы договорились о встрече. На второй день после приезда я уже была на Пикрис-гора, в легендарном доме с колокольчиком на входной двери. Одну меня не отпустили, я просто заблудилась бы, и мы пошли с Медико. С тех пор я часто бывала в этом доме, потом уже у Софики Чиатурели и Котэ Махарадзе, и он стал для меня неким символом Тбилиси.

В моей московской редакции считали, что я все равно вернусь, и давали задания писать о самых известных деятелях Грузии 70-х годов. Нодар Думбадзе, Отар Тактакишвили, Гоги Алексидзе, Отиа Иоселиани, Морис Поцхишвили...

Потом я познакомилась и с тбилисскими редакциями. Началось все с выставки Нади Рушевой. Я не могла не пойти на эту выставку, а увидев ее работы, не могла не написать. С тбилисскими редакциями я никогда не общалась. Опять выручила телефонная книга, я прочла список редакций и выбрала «Молодежь Грузии» - по ассоциации с «Комсомольской правдой», где в отличие от партийных газет можно было писать почти свободно. И не ошиблась, как позже выяснилось. Пришла в редакцию, она совсем рядом с домом, отдала статью в отдел культуры. На следующий день раздается звонок из редакции, меня просят при-

йти к главному редактору. Так я стала сотрудником «Молодежки», там был замечательный коллектив молодых журналистов, которые и после развала газеты и страны остаются друзьями.

С Москвой связь не прерывалась, писать о грузинской культуре тех лет было одно удовольствие. Роберт Стураа и Темур Чхеидзе тогда числились в молодых режиссерах и ставили в театре Руставели, на моих глазах театральный курс Михаила Туманишвили превратился в театр киноактера, Союз художников разворачивал выставки, грузинское кино набирало высоту. Я ходила на спектакли, сидела на репетициях, бывала на съемках и в мастерских художников. Творческая жизнь вокруг кипела и бурлила, а свобода творчества поражала. О возвращении в Москву уже не было речи.

Для меня открылся новый мир, который мне казался даже интереснее московской культурной жизни, задавленной тисками официоза и строжайшей цензуры. Никогда не забуду, как после отправленной мной статьи в московский журнал «Театр», мне звонит заведомом, моя близкая приятельница и по-своему выдает мне: «Вер, вы что там все с ума походили? Стураа ставит, что хочет, а ты пишешь, что видишь». Но, конечно, зоркое око цензуры отдыхало не всегда. Так, в Тбилиси будущий призер Эдинбургского фестиваля – спектакль того же Стураа «Ричард III» был разрешен только с третьего раза, когда его лично посмотрел тогдашний первый секретарь Компартии Грузии Эдуард Шеварднадзе, и дал добро. У руставелевцев шли и «Синие кони на красной траве» Шатрова, а привезли спектакль в Москву, там его не разрешили показывать. С фильмом «Покаяние» тоже было не просто: Шеварднадзе поехал на дачу к Горбачеву, который отдыхал где-то в Пицунде, и показал ему этот фильм, они поговорили, и Горбачев сказал – давайте!

Настоящим раем был Сухуми. «Если выпало в империи родиться, лучше жить в провинции у моря» - это на все времена. В конце 70-х - начале 80-х там был творческий бум - и среди художников, и в литературно-театральных кругах. Волны творческих новаций тогда буквально захлестывали. Какая там была замечательная художественная школа – их андерграундные выставки могли дать фору московским! Но если в Москве это кончалось «бульдозерными выставками» и запретами спектаклей, то в Грузии, вдали от кремлевских башен и зоркого ока ЦК КПСС можно было жить почти свободно - «пока КГБ отдыхает на пляже», как шутили сухумские художники.

В те времена Сухуми был такой яркий, многоликий, многонациональный город-курорт с множеством санаториев-особняков и лестницами, спускавшимися к набережной. Первая из поездок запомнилась навсегда – редакция газеты послала написать о работе молодежных секций творческих союзов Абхазии. Тогда в кругах абхазской интеллигенции ощущался всплеск интереса к собственной истории и национальной культуре, и это придавало еще больший творчес-

кий импульс. Никаких национальных моментов не чувствовалось. Символом общности мог служить Сухумский драмтеатр. В здании театра было две труппы – абхазская и грузинская. У каждой труппы свой язык, свой репертуар, свой зритель. Играли попеременно. А крыша была общая, как общая страна, общий театр и театральная школа. Настолько было все перемешано, что, казалось, разделить невозможно. Война разделила... Тогда и в страшном сне не могло присниться такое.

Я работала сначала в «Молодежке», ездила в командировки по всей Грузии – от горной Хевсурети до Ахалкалаки. И Грузия стала такой близкой, понятной, но всегда неожиданной и интересной. Конечно, все эти поездки и работа в редакции были возможны благодаря помощи домашних и моему замечательному мужу, который по сей день терпит такую непоседливую жену. Потом у нас родилась дочь, и жизнь стала еще полнее. И сын и дочь от рождения были двуязычными – все с ними говорили по-грузински, а я по-русски. Мы их отдали в грузинскую школу, многие даже удивлялись этому, ведь тогда русские школы считались более престижными. Но я хотела, чтобы у детей был грузинский круг общения, чтобы они выросли в эту почву. Когда после окончания грузинского отделения

ГПИ сын начал там же читать лекции в русской группе, его студенты удивлялись, как он чисто говорит по-русски. А дочь после грузинской школы поступила в Москве в РГГУ, там в гуманитарном университете ей пригодился грузинский язык при изучении лингвистики – преподаватель просил ее демонстрировать студентам горловые звуки и прочие тонкости грузинского произношения.

Так случилось, что и у детей, и у меня оказалось две родины, два родных дома – в России и в Грузии. Летом мы всей семьей ездили в отпуск в Москву, жили то у нас дома, то на даче у сестры, и мои родители, сестры, друзья так ждали нас. Наш московский дом был всегда открыт для гостей из Тбилиси, а тбилисский – для друзей и журналистов из Москвы. Коллеги шутят: «Работаешь мостом между Россией и Грузией?» Так оно остается и по сей день. И не только на уровне редакций и друзей. Хотя благодаря им был реализован многоступенчатый проект «Россия-Грузия: Диалог через Кавказский хребет». А теперь и участие в проектах «Русского клуба» - и все по связям с Россией.

Если даже страшные 90-е годы с бронетранспортерами и стрельбой на улицах, с ночными очередями за хлебом, с дровами на паркетe, железными печками и свечами вместо лампочек, не вытолкнули нас из Тбилиси, то сейчас и подавно. Почему мы не уехали тогда? Не знаю, наверное, потому что хорошо там,

где нас нет. Она для нас все равно рядом. Вот только визовый режим сильно подпортил связи.

Москвичи часто заглядывают в наш дом – дети, друзья, коллеги-журналисты. Им что – для них въезд в Грузию свободный. Взял визу в аэропорту, и гуляй себе. Зато в Москве гости из Грузии уже большая

В.Церетели с мужем и внуком Никушей

редкость. А с октября 2006 года, когда перестали выдавать визы, и вовсе стали жить за железным занавесом. Даже родной отец не мог приехать в Россию к детям, муж к жене... Фантастика, да и только! Что прикажете делать смешанным семьям? Учиться жить порознь? За эти годы политики ясно дали понять, что смешанные браки крайне нежелательны. Наверное, молодым прежде чем влюбляться, сначала надо выяснить, какое у человека гражданство, какая национальность и еще не забыть про вероисповедание.

Наверное, опрометчиво поступила наша русская невестка Маша Романова, что вышла замуж за уроженца Москвы с фамилией Церетели. Правда, тогда она еще не знала, что грузины могут оказаться для России виновниками всех бед. И хорошо, что не знала, а то вдруг передумала бы идти с грузином в ЗАГС, и не подарила бы нам двух замечательных внуков. Теперь нам остается только мечтать, чтобы ослабили визовую занавеску, и мой муж мог свободно полететь со мной в Москву к нашим детям и внукам. И еще хочется забыть о поездках в Россию через третью страну с пересадками и многочасовыми ожиданиями в Баку, в Киеве или Риге. Оказывается, как приятно было когда-то приехать в аэропорт и слышать по радио: «Внимание! Объявляется посадка на самолет, следующий рейсом 936 по маршруту Тбилиси – Москва». Что имеем – не храним, потерявши – плачем.

Вера ЦЕРЕТЕЛИ

КОЛОСС ОЛИМПА

Выдающийся русский композитор и пианист Сергей Васильевич Рахманинов посетил грузинскую столицу в 1911, 1913 и 1915 гг., и каждый его приезд был праздником. Возможно, что заочное приобщение Рахманинова к художественной культуре Тифлиса произошло через его друга Шалапина – великий певец как-то высказался, что рожден дважды: для жизни в Казани, для музыки в чудодейственном для него Тифлисе. Наверно, имело значение и общение Рахманинова с переехавшими из Тифлиса в Москву сестрами Страховыми. Старшая, Анна Ивановна, пианистка, занималась в консерватории в классе А.И.Зилотти, двоюродного брата Рахманинова. Известно, что как-то, присутствуя по должности на отчетном концерте в Мариинском училище, обычно скептический в оценках Рахманинов отметил вниманием некую Марию Абуладзе. Узнав, что она ученица А.И. Страховой, которая находится на лечении в Крыму, он предложил послать ей поздравительную телеграмму.

Другая сестра, Варвара Ивановна, в замужестве Эрманс, артистка частной оперы Мамонтова, была предметом серьезного увлечения молодого Рахманинова. Их отношения, перешедшие впоследствии в дружеские, не прекращались и в эмиграции. Живя в Москве, Варвара Ивановна уделяла большое внимание учащимся, приезжим из Грузии, устраивала для них бесплатные посещения спектаклей в театре Мамонтова. Она покровительствовала Дмитрию Игнатьевичу Аракчиеву (Аракишвили), в дальнейшем выдающемуся грузинскому композитору. Заботой этой дамы пользовалась Нина Александровна Андрианова (в замужестве Ряднова), будущий преподаватель Тбилисской консерватории по классу пения и видный деятель культуры, автор воспоминаний о Рахманинове. В Москве она занималась в музыкально-драматическом училище по классу скрипки, и в день премьеры Второго фортепианного концерта Рахманинова была включена в состав симфонического оркестра, который под управлением А.И.Зилоти аккомпанировал автору. Так состоялась ее первая встреча с композитором. Проживая в Тбилиси, вместе со своим мужем, выдающимся певцом Евгением Карловичем

Рядновым, она встречалась с Рахманиновым во время его приездов на концертах, торжественных приемах, посещениях классов музыкального училища (консерватории в то время еще не было). Рядновы принимали Рахманинова на своей пригородной даче в Ортачалах, и Сергей Васильевич через бинокль любовался живописной панорамой скал с нависающими над ними жилищами на противоположном берегу Куры. Обо всем этом Нина Александровна в конце жизни рассказала в очерке «С.В.Рахманинов в Грузии».

Думается, педагогический пример сестер Страховых спонтанно повлиял на то, как повел себя Сергей Васильевич при посещении классов Тифлиского музыкального училища. Во время гастролей Рахманинов, уступая многочисленным просьбам, обычно посещал концерты в учебных заведениях, но эти прослушивания, судя по всему, были ему в тягость, и мнения о высокой одаренности рекомендуемых учащихся зачастую не находили в нем отклика. На фоне этого неожиданным выглядит его присутствие на ученическом вечере в Тбилиси; свидетельство тому воспоминания Сергея Сидякина, ученика И. С. Айсберга,

Ф. Шаляпин и С. Рахманинов

И. Гофман и С. Рахманинов

которого Рахманинов слушал в свой первый приезд. Когда была исполнена программа, Сергей Васильевич подозвал к себе четырнадцатилетнего пианиста, долго рассматривал его руки, после чего дружелюбно сказал: «Ну, валяй дальше!» Прослушав в его исполнении «Вечное движение» Мендельсона, Рахманинов попросил повторить в более быстром темпе, а затем устроил проверку слуха. Профессор Л.Л.Трусковский стал брать на рояле различные ноты и аккорды, которые Сережа Сидякин тут же называл. На последовавшем обсуждении Рахманинов заявил, что «не встречал подобного абсолютного слуха» и, как писал Сидякин, «по своей доброте высказывал слишком лестные суждения, которых я не могу повторить».

«Колосс современного музыкального Олимпа, выдающийся композитор и великолепный пианист»; «человек, стоящий на вершине современного искусства ... талантливость достигла такой ступени, где она

Вл. Вильшау

преломляется в гениальность» – в таких характеристиках предстает Рахманинов на страницах тифлисской прессы. Поднесенный после первого концерта венок был украшен надписью: «Гордости современного русского искусства».

Известно, как огорчали Рахманинова выступления некоторых российских критиков с заявлениями о том, что его музыкальный язык устарел. В Тифлисе, которому через несколько лет суждено было превратиться в оплот модернизма («Голубые роги» П.Яшвили, Т.Табидзе и др., «Цех поэтов» С.Городецкого, «Синдикат футуристов» А.Крученых,

И.Зданевича и др. с последующей группой «футуристов-заумников» «41°», наконец, футуристический университет «Футур-всеучбище») рецензенты концертов единодушно приветствовали непоколебимость Рахманинова в отношении к традициям классики. «Рахманинов остался чужд крайностям модернизма и декаданса в области музыки. В его творчестве много здорового старого начала, и это очень ценно в нашу эпоху исканий порой талантливых, но чаще уродливых и бестолковых» - писала газета «Кавказ».

В первом концерте Рахманинова прозвучала до сих пор неизвестная в Тбилиси фортепианная соната № 1 ор.28, по признанию автора «дикая и бесконечно длинная». Восприятие этой музыки могло облегчить знание программы, однако композитор, обмолвись однажды, что основой послужили «три контрастирующие типа из одного мирового литературного произведения», не пожелал распространяться далее. Какое произведение он имел в виду, выяснилось лишь в 1946 году, когда пианист К.Игумнов, известный исполнитель рахманиновского репертуара, гастролировал в Лейпциге. Встретившийся с ним Рахманинов сообщил ему, что соната написана на сюжет Гете – первая часть задумана как образ Фауста, вторая – Гретхен, третья – полет на Брокен и Мефистофель; об этом Игумнов рассказал в комментариях к письмам Рахманинова. Между тем, за 35 лет до этой публикации анонимный корреспондент газеты «Кавказ» в преддверии первого приезда Рахманинова рекомендовал читателям сонату №1 как «Фауст-сонату» (!).

В первый приезд в Грузию оба концерта – сольный и симфонический – состоялись в Казенном (оперном)

театре. Оркестром дирижировал Иван Петрович Палиев (Палиашвили). Между тем, гастролеровавшему одновременно с Рахманиновым известному пианисту из Америки И.Гофману было отказано как в представлении зала Казенного театра, так и оркестра. Это вызвало возмущение его почитателей, и музыкальный критик под псевдонимом Dolce, через газету «Тифлисский листок» призвал к ответу возглавлявшего оперную антрепризу И.П.Палиева.

Перед симфоническим концертом Рахманинов получил право только на одну встречу с оркестром и поэтому пожелал отрепетировать свой Третий концерт в сопровождении второго рояля. Однако ни один из пианистов, включая Гофмана, не согласился на это. Положение спас Владимир Робертович Вильшау, знаменитый в Тбилиси скрипач и педагог. Предложив свое партнерство, он с легкостью справился с задачей, и Сергей Васильевич, общаясь в Москве с его братом, пианистом Виктором Вильшау, с благодарностью вспоминал об этом случае.

Круг лиц, с которыми встречался Рахманинов в Тбилиси, представляли композиторы З.П.Палиашвили, Д.И. Аракишвили, К.В.Мегвинет-Ухуцеси. Сергей Васильевич был гостем княгини Елизаветы Орбелиани, журналиста и переводчика, салон которой пользовался большой популярностью в среде тифлисского Парнаса. Княгиня преподнесла композитору экземпляр лермонтовского «Демона» в переводе на французский с надписью: «Г-н Рахманинов, самая пылкая из Ваших поклонниц осмеливается послать Вам эту книжку. Она не достойна ни Лермонтова, ни Вас, но это первый плод моей работы, и в качестве такового предлагаю ее Вам».

После первого концерта Рахманинова директор Тифлисского отделения ИРМО известный меценат Степан Гаврилович Мирзоев устроил прием. Желая иметь что-нибудь на память от любимого композитора, Мирзоев склонил его продать рояль «Бехштейн», который он обычно возил с собой. Спустя 14 лет этот инструмент у Мирзоева, по рекомендации профессора А.И.Тулашвили, приобрела консерватория (случай из ряда вон выходящий – имя опального композитора тогда уже числилось в ряду изменников родины, и сочинения его не исполнялись). Долгое время он находился на сцене Малого зала, затем в классе А.Тулашвили, позже стал кочевать по аудиториям и, наконец, затерялся среди пришедших в негодность роялей. Первой забила тревогу Ирина Джорджадзе, проректор консерватории с середины 80-х годов. Рояль Рахманинова помог обнаружить один из разнорабочих; полуразрушенный, забитый окурками, он стоял в классе на втором этаже, прислоненный к стенке. После проведенной экспертизы рояль был отреставрирован и оставлен в музее консерватории, сделавшись его главной достопримечательностью.

Гастроли Рахманинова организовали Адольф Швейгер и Лев Пышнов, основатели самой престижной в Тифлисе музыкальной школы, в зале которой состоялись два последних концерта Рахманинова. В

воспоминаниях Н.Рядновой приводится случай, произошедший на одном из банкетов. Лев Пышнов, яркий пианист, сыграл популярную польку Рахманинова, и, «как бы показывая музыкальные фокусы, стал варьировать. Это плетение звуков Рахманинову очень понравилось, и он, смеясь по-детски заразительно, сказал, что эта искусная фантазия Пышнова его, как автора, не затрагивает». Однако в данном случае Пышнов мог вполне претендовать на авторство – дело в том, что на самом деле эта музыка сочинена не Рахманиновым. В семье было принято считать, что польку написал его отец, Василий Аркадьевич, а сын лишь усовершенствовал опус. Но, как выяснилось впоследствии, «авторство» Василия Андрееви-

Е. Ряднов

ча было розыгрышем – музыку польки, принадлежавшую Фердинанду Бейеру, он обнаружил в журнале «Нувелист».

Материалы о Рахманинове содержат сведения о том, что в отдаленных провинциях Америки местные жители насвистывают или напевают мелодии Рахманинова, не подозревая, кто их автор. Так при-

вилась в Тифлисе знаменитая полька, которая должна была бы называться Фантазией на тему польки Бейера. Я помню новогодние елки в детстве, когда неповторимая затейница детских вечеров тетя Люся в разгар веселья приглашала их участников станцевать «польку-хохотушку». Танец шел под аккомпанемент гармоники; на ней играл прекрасный музыкант, пианист по образованию Сергей Иванович Хачатуров (личность его я выяснила, поступив в 10-ю музыкальную школу – грозный С.И., которого на экзаменах боялись как огня, оказался веселым дядей Сережей из моего детства), и запавшая на слух пляска в его исполнении была вариантом «Польки» Рахманинова. Каково же было мое удивление, когда я узнала, что полька Бейера была напечатана под заглавием «La rieuse. Polka Bandine» («Хохотун. Забавная полька») – как очевидно, в Тбилиси эта пьеса как бы вернулась к своим истокам.

Последний приезд Рахманинова в грузинскую столицу (1915) был частью грандиозного мемориала – концертов памяти внезапно скончавшегося А.Н.Скрябина. Этих двух композиторов связывали сложные отношения; их усугубляла газетная перепалка музыкальных критиков, разделившихся на два враждующих лагеря. «Трудно себе представить людей, более различных по индивидуальности, чем Скрябин и Рахманинов», – высказывался пианист М.Пресман. И поэтому концерты Рахманинова из произведений Скрябина произвели сенсацию. «Мнения, – писала Мариэтта Шагинян – расходились в трех направлениях. Некоторые считали это «дьявольским ходом» со стороны Рахманинова, намерением «разоблачить, раздеть» Скрябина. Другие возмущались «порчей» Скрябина, которого Рахманинов «огрубил», сделал слишком земным. И, наконец, третьи воспринимали его исполнение исключительно как «акт благодарства».

Концерты в память Скрябина состоялись в восьми городах и, конечно, прошли с большим успехом, иначе Рахманинов с его болезненной ранимостью прекратил бы выступления.

Современники Сергея Васильевича не раз отмечали магическую власть его игры, ее гипнотическое воздействие на слушателей. «Игра его была абсолютно демонической, – утверждала М. Шагинян. – Садясь за рояль, он мог вас уверить, в чем угодно». И поэтому допустимо предположение, что цитируемые ниже строки из рецензии тифлисского критика под псевдонимом «Ля-до» отразили впечатление большинства посетителей концерта. «Лучшего исполнителя скрябинских произведений, чем Рахманинов, трудно найти; в каждом аккорде так и чувствовалось, как дорога память композитора для исполнителя. Великий пианист и композитор был недостижимо хорош, он совершенно покориł многочисленных слушателей, и дивные звуки его рояля еще надолго будут в памяти очарованных аудиторий».

Мария КИРАКОВА

Вернер Рюдигер

Кавказский пленник, или Фасинация Вернера Рюдигера

«...тот, кому случилось, как мне, бродить по горам пустынным и долго-долго всматриваться в их причудливые образы и жадно глотать животворящий воздух, разлитый в их ущельях, тот, конечно, поймет мое желание передать, рассказать, нарисовать эти волшебные картины».

М. Лермонтов «Герой нашего времени»

В Национальном центре рукописей мы встретились с немецким художником из Мюнхена Вернером Рюдигером. Его работы с апреля прошлого года хранятся здесь. Некоторые вывешены для обозрения, большая часть находится в запасниках.

Картины, написанные маслом на холсте, как бы освещали длинный полутемный коридор. «Сто пятьдесят две работы, – сказал художник, – в основном, памятники грузинской церковной архитектуры, находящиеся на территории Турции». И стал показывать.

«Это Тбети, в Шавшети. Это Хандзта. Ранняя архитектура, X век. Сохранились грузинские надписи. Мама-цминда, по дороге в Артвин. Там, к сожалению, все рушится, прямо в церкви дерево растет. Роспись нужно укреплять.

Шатберды, область Артанудж. Хахули, это уже Эрзрумская область, между Артвином и Тортумом. Бога-

тая орнаментика, внутри – фантастические каменные барельефы. На куполе разноцветные глазурированные кирпичи. А вот Ошки – самая мощная церковь. Объем, пространство, купол – все поражает. Тоже Эрзрумская область.

Анч, его называли Анч-килисе, т.е. Анчийская церковь. Туда очень высоко надо подниматься из Артануджа. Один раз я ночевал там. Икона Анчисхати была привезена оттуда. Раннее средневековье. Жаль, церкви уже нет, это остатки камней.

Ишхани – шедевр грузинской архитектуры. Артвинская область. Передняя часть используется как мечеть. Самый красивый купол. И роспись сохранилась на барабане. Обратите внимание на глазурированные кирпичи купола – они есть только там и в Хахули. Кирпичи разноцветные, в приглушенных тонах.

А вот Пархали. Артвинская область. Уникальная архитектура, очень мощно построена. Как орган, как

Портрет грузинки

симфония. И роспись сохранилась. Элегантные арки. Первый раз я был там в 1980 году. Позже туристические пансионаты открыли, но тогда даже электричества не было. Мы сидели при свечах».

Откуда эта любовь у чужестранного художника? Почему именно Грузия? Когда это началось?

«Потому что Грузия – это сердце Кавказа!» – ответил Вернер Рюдигер на мой вопрос.

Много лет назад в большом доме с садом на окраине Мюнхена рос маленький Вернер. Стихи Гете, холсты Грюневальда, фуги Баха. Бархат мебели, саксонский фарфор. И в этом немецком доме возник интерес к Кавказу. Он был связан со сказками, русской литературой, Пушкиным, Лермонтовым, Толстым. Этот интерес пробудила в нем бабушка, служившая у русских дворян. Таинственный Кавказ – с горными вершинами, бурными речками, с гордыми наездниками и непременным кинжалом – символом всех кавказских народов.

Прямо за их домом находился большой лагерь, где во время войны жили пленные украинцы. Там же стояла православная церковь. Маленький Вернер наблюдал пасхальные крестные ходы. До сих пор он помнит старого попа, который всегда шел пешком с трамвайной остановки, выпростав белые руки из черной рясы.

Он утверждает, что с детства был связан с восточным духом. Все, что оттуда – Восток. Это и интерес к России, он объездил немало старинных ее городов. И Украина, и Югославия. Но главное – Кавказ.

Вернер стал художником и не забыл детской тяги к Кавказу, покупал у букинистов книги, читал грузинскую поэзию в переводе Артура Лейста.

В 1961 году он попал на концерт песен и танцев Грузии. Это было поразительно красиво и воинственно. В мохнатых шапках, надвинутых на сверкающие глаза, танцоры словно летали по воздуху, блистая клинками сабель. Он и не предполагал, что может существовать такой темперамент. Его детская мечта ожила, и он начал поиски обетованной земли.

В 1966 году ему удалось выбраться на Восток. Турция – там он рисовал, выставлялся. Один коллекционер купил у него несколько работ. На эти деньги Вернер махнул в Персию. Тегеран, Исфаган, обратный путь через Сирию.

В Турции познакомился с атташе по культуре советского консульства А. Джанелидзе, он подарил ему первые книги на грузинском языке.

На книжной ярмарке во Франкфурте в 1975 году Вернер нашел стенд СССР и обнаружил книгу Ладо Гудиашвили. И внезапно решил: обязательно выучит грузинский язык. Разыскал одного грузина – Илья Кучухидзе был доцентом Мюнхенского университета – и ходил к нему на дом заниматься.

Посещение Грузии в 1979 году сыграло решающую роль в его жизни. Вся последующая была похожа на затейливый детективный роман. Вот в фокусе все, что он искал, о чем читал и мечтал.

Для него это было открытие. Вообще, грузинская жизнь. Она казалась очень веселой. Вечерами гуляния по Руставели, ресторанчики, песнопения ночами напролет... Этаким праздником жизни. Он хотел остаться. Если не жить так же, как и они, то хотя бы наблюдать эту жизнь. Вернер познакомился с интересными людьми, художниками. Воочию увидел оригинальные работы дагестанской художницы Манабы Магомедо-

вой. Новые друзья показали ему много интересного, водили по музеям. Он обнаружил любопытные книги по искусству, живописи и архитектуре. Иностранцам в то время запрещалось выезжать из Тбилиси. Но он облазил окрестности, изучая памятники, крепости и церк-

вой. Однажды Манаба тайком повезла его в Манглиси. Ехали в пригородном автобусе и молчали, боясь, что их обнаружат.

Для него все было открытием. «В грузинской церковной архитектуре все интегрировано, – объяснял он свое открытие. – Все идеалы, которые можно представить. Я убежден, что первые строители хорошо изучили формы горного хрусталя. У меня в Мюнхене есть коллекция горных кристаллов. Они как макеты грузинских церквей. На Западе мы видим разные выдуманные формы церквей, которые и не церкви вовсе, а какое-то измышление. Грузинские же церкви, даже те, которые сейчас строят, того же стиля, как тысячу лет назад.

И пейзаж всегда дает верный акцент. Хоть на вер-

шине горы, как Джвари, хоть в городской архитектуре. Архитектура и пейзаж – это единство, одна композиция. В процессе собственного развития в грузинской архитектуре сформировался шатровый купол. Барабаны, купола – настоящее украшение. Это уже знак вечности. Хоть скромная базилика, хоть центрально-купольная церковь. Все уже сделано. Модернизация невозможна, потому что модернизация – это фактически разрушение.

И народный костюм играет большую роль. Когда видишь танцы, как они двигаются... Это тоже для меня идеал. Каждая женщина – как королева. Настоящая классика».

Разглядывая в музеях макеты и фотографии грузинских церквей, и узнав, что они находятся на территории Турции, он решил – надо ехать туда. Это был как внутренний приказ. И стало для него... гм... фасинацией. Что это такое? Очарование, обаяние, прелесть, наконец. Это настолько оригинально и притягательно. Он должен все это исследовать и документировать.

Итак, фасинация – обворожительный, пленительный. Можно сказать, попал в плен этой культуры. Уже весной 1980 года кавказский пленник Вернер Рюдигер в Турции. Он попадает в Артанудж, Эрзрум, Ардаган, Артвин. Осматривает памятники, фотографирует, делает наброски. Время «холодной войны». О свободном передвижении не могло быть и речи. В Ардагане он прятался под крепостными стенами, в Анче ночевал, поднявшись в горы.

Однажды он рисовал на склоне близ Артвина. К нему подошли солдаты и, не говоря ни слова, взяли его вещи. Какие любезные, подумал он и пошел за ними. А его привели в казармы, отобрали фотопленку и устроили допрос. Когда узнали, что он художник, угостили обедом. Но приставили к нему наблюдателя. Вернера преследовали всюду, он не выдержал и сказал, что он не шпион, наконец! Это не имеет значения, ответили ему, до советской границы всего 50 километров.

Он исходил там все вдоль и поперек. К 1990 году у Вернера было готово более ста холстов, на которых были запечатлены творения грузинских зодчих.

Но детективный сюжет его жизни только разворачивался. Он как-то показал фотографии своих работ грузинским друзьям. Те пришли в восторг и сразу же захотели сделать выставку. Но наверху считали, что выставка возможна только в Москве. А кто бы это оценил там? Ему хотелось, чтобы здесь сказали – да, это Кавказ, это грузинский дух. В 1991 году вопрос устройства выставки неожиданно решился. Вернер тут же заказал специальные ящики, бережно упаковал картины и отправил в Москву, тогда из Мюнхена в Тбилиси прямого транспорта не было. Сам пересекал границу через Турцию, в Сарпи.

У него была еще советская виза. На границе его не хотели пропускать: нужно было запрашивать Москву. Но, слава богу, все-таки разрешили. Таможенник сказал: вас ожидают. Вернер перешел границу с бьющимся сердцем. За оградой его ждали батумские художники, они обнялись и поспешили отметить его приезд. Нашли какой-то духанчик, выпили и закусили. Ему показали Батуми, работы аджарских художников. И вечером на маленьком Як-40 – в Тбилиси. Это был май 1991-го. Великолепный вечерний вид на Кавказские горы. В аэропорту его вновь ждали друзья, и первый вопрос был – где мои работы? Увы, все еще в Москве. Манаба, верный товарищ, дважды слетала в Москву, нашла связи и вернулась с нужной бумагой.

Но как вывезти картины? Они застряли на московском аэродроме. В конце концов, помощь пришла от азербайджанских друзей. Из Баку выслали целый трейлер. 2500 км туда и обратно. Вернер в волнении вскочил в темный кузов, кинулся перебирать ящики. Они

немного пострадали в дороге, зато сами картины были целехонькими. Ай да молодец, столяр!

Работа закипела. Подготовили каталог, плакаты. Телевидение, пресса, немецкое общество, официальные власти – все пришли в Дом художника. Выступили Ираклий Абашидзе и Роин Метревели. Сам Вернер сказал речь на грузинском языке. Были композиторы, ведущие писатели. Картины сияли драгоценным светом.

Это была сенсация! И большой праздник. Вернер почувствовал, что для него начинается новая жизнь.

Прием у мэра города, на котором ему присвоили звание Почетного гражданина Тбилиси. Прием у министра культуры, подарки – тома новой грузинской энциклопедии, чеканка.

Между тем, виза у него заканчивалась, и Вернер должен был покинуть страну. Он уехал в Мюнхен, а картины поехали путешествовать по Грузии. И хранились в

мечком языке с алыми гранатами в руках.

Начиная с этого времени, работы Вернера Рюдигера у нас ежегодно выставлялись. Он почувствовал, что его картины нашли свое место в Грузии, они стали частью культурной жизни. И Вернер предложил – пусть работы остаются здесь!

Он не мог расстаться с Грузией, выставки требовали его присутствия. Немало их было – в Публичной библиотеке, в Академии Художеств, Музее истории литературы. Запомнилась одна, в 1998 году, в Национальной галерее, когда картины помогла развесить Натела Янкошвили. Не просто по тематике, а так, чтобы одна другую «поднимала». Был на этой выставке и президент, в мэрии ему вручили красивую медаль «верности Тбилиси».

Он как-то сказал своим друзьям: «Я никуда не могу уехать, всегда должен быть здесь. Даже не знаю, что делать». Последнее, что надо было сделать, это пере-

Доме художников под попечительством Темо Гоцадзе. Тем временем, в Грузии началась гражданская война. А когда он узнал, что Дом художника в Тбилиси сгорел, подумал – все погибло, все напрасно! Но Бог милостив, работы были спасены. Он жил напряженным ожиданием встречи, но выехать удалось только в 1996 году. Вылетел из Вены на ТУ, и когда самолет стал приземляться, трудно было что-либо разглядеть: город был погружен в темноту. На аэродроме встречали с лампами. Его опять, как всегда, ждали друзья. Несмотря на тяжелую ситуацию в стране, министерство культуры устроило выставку его работ, и все с радостью узнали, что картины спасены. Они были уложены в ящики, это помогло быстро вынести их из горящего здания и поместить в Национальную галерею.

Вторая выставка была в Карвасла. Опять большой праздник. Семинаристы духовной семинарии с отцом Акакием стояли с горящими свечами и пели песнопения. Это было очень красиво. Были министр культуры, Георгий Очаури, Темо Гоцадзе, актриса Лия Элиава. Поэтесса и актриса Марина Джикия выступила на не-

нести работы в Институт рукописей. Он передал в дар Грузии весь цикл своих работ – 152 картины. «Эту художественную документацию грузинских памятников я делал не только для Грузии, но для всего мира», – сказал Вернер, передавая бумагу с описью своих работ. Он оставлял свои картины в надежных руках.

Грузия высоко оценила вклад в ее культурную жизнь. В 2001 году ему было присвоено почетное звание гражданина Грузии.

Будет ли он освобождаться из этого плена? «Попробую меньше присутствовать здесь», – ответил он на вопросы друзей. Десять лет отдано. Пора возвращаться. Его ждут в Мюнхене. Старый большой дом, заросший сад, книги Гете и Шиллера.

А Грузия, Кавказ? Это в сердце навсегда.

Улетая на родину, Вернер оставил мне записку: «Моя Грузия – это Грузия Ильи Чавчавадзе и Артура Лейста. Идеалы не утратятся... Есть ценности, которые неразрушимы, если они божественны».

Клара БАРАТАШВИЛИ

Джемал Мелкадзе

У МИКРОФОНА СОЛИСТ БАЛЕТА

Биография нашего героя сложилась причудливо. Но только на первый взгляд. Ведь иначе и не могло быть, если в арсенале его талантов – природная пластика, магический голос и актерское обаяние. Хотя, на вопрос о своей профессии Джемалу Мелкадзе ответить сложно: «Я и танцор, и драматический актер, и работник эстрады, и телерадио диктор». И все это правда.

-Батоно Джемал, расскажите, с чего все началось?

-Я учился в 3-й железнодорожной школе, (ныне 100-я). У нас был замечательный директор М.Шаишмелашвили, большой эстет. Он организовал множество кружков – танца, художественного чтения, хор. Мы все считали своей обязанностью посещать эти кружки, помимо занятий спортом. Наша школа выпустила много видных деятелей культуры. Параллельно с учебой в школе, я занимался во Дворце пионеров, а также в Доме железнодорожников. Там, в 1957 году я поз-

накопился с актерами-марджановцами П.Кобахидзе и Р.Кения. Они организовывали работу т.н. творческих бригад, которые выступали с концертами как по стране, так и по всему Союзу. Мне это позволило привыкнуть к сцене, наладить контакт со зрителем. Я танцевал в эстрадных номерах, читал скетчи, фельетоны, пел. Меня распределили в филармонию, с которой дружу до сих пор – выезжаю в районы с концертами.

-А как же хореография?

-До окончания школы, в 1957 году, я поступил в балетную студию им.В.Чабукиани и прошел полный курс. После чего был рядовым солистом в оперном театре. Только партию Отелло я танцевал ровно сто раз. По приглашению работал ведущим солистом в Театре музыкальной комедии.

-Но на этом ваши университеты не закончились?

-После окончания хореографического училища, в 1964 году, я поступил на актерский факультет Театрального института. Мне по жизни очень везло с педагогами. Моими руководителями были К.Патаридзе и Ю.Какулия, сценическую речь преподавала несравненная М.Мревлишвили. Моими педагогами были В.Сулаквелидзе, Б.Чхеидзе, С.Закариадзе, М.Туманишвили, Д.Алексидзе.

-Много сил вы отдали эстраде?

-Я шучу иногда, что не работал только в театре им.Ру斯塔вели и в театре в Гори. По-моему, в Грузии не осталось сценической площадки, где я бы не выступал. Очень недолгое время проработал в ТЮЗе как актер. Зато я много ставил как хореограф, в разных театрах. Параллельно выступал на эстраде, где мне посчастливилось стоять бок о бок с прекрасными артистами – И.Учанеишвили, З.Кверенчиладзе, Г.Гегечкори, Т.Сакварелидзе. После прихода на эстраду нового поколения артистов – М.Квирикашвили, Б.Махарадзе, я, скажем так, «изменил профиль», перешел на классику – попробовал силы в художественном чтении грузинской, русской и зарубежной поэзии.

-Вы ведь выступали и в России?

-Да, с этим временем у меня связаны самые теплые воспоминания. Был такой «Театр «Вернисаж» - музыка, поэзия, живопись», которым руководила известная пианистка Л.Микава. В нем принимало участие целое созвездие деятелей культуры Грузии и России – Э.Виторган, И.Егорова, Р.Лисициан, И.Учанеишвили, З.Кверенчиладзе, Л.Чкония, ансамбль «Фазис», трио «Тбилиси», квартет «Пиросмани». Я работал в основном составе. В течение 15 лет, с 1980 по 1995, хотя бы раз в месяц мы выступали в лучших концертных залах не только России, но и Европы.

-Тем не менее, многие помнят вас как замечательного диктора радио. Какую роль оно сыграло в вашей жизни?

-Мое знакомство с радио началось в 1953-м. В Доме железнодорожников работал режиссер Д.Цхакая, который руководил передачей для пионеров на грузинском радио. Он назначил меня ведущим своей передачи, затем я попал в молодежную редакцию телерадиопе-

редач диктором. Мы вели в кадре или за кадром художественные программы. Очень скучаю по радио, у него своя прелесть. Когда ты общаешься со слушателем, начинаешь «видеть» его эмоции. Современному радио недостает профессионализма. На мой взгляд, изменилось отношение диктора к аудитории. Раз в пять лет, на радио проводился конкурс, в котором принимали участие 200-300 человек. Требования были не просто высокие, а чрезвычайно завышенные. И даже если посчастливилось попасть в число избранных, то первый год мы состояли на практике. Нас обучали, как надо обращаться с микрофоном, с камерой. На второй год нас допускали к третьей программе, мы читали афишу. На третий год нас переводили на вторую программу, мы вели концерты и информацию. И только на четвертый год нас выпускали в прямой эфир. И мы могли с гордостью сказать: «Доброе утро, дорогие радиослушатели!»

-Какими качествами, на ваш взгляд, должен обладать диктор радио?

-Главное условие – голос. Он должен быть каким-то магическим, завораживающим. Затем он обязан быть образованным, начитанным, эрудированным. Только такой диктор может завоевать уважение и расположение аудитории. Не могу не вспомнить своих коллег – К.Ландия, Э.Таблашвили, Ц.Шубладзе, Н.Микеладзе, Т.Элбакидзе, Т.Мгалоблишвили, Д.Соколова, Э.Манджгаладзе, Д.Дзигуа, Т.Чкония, Г.Заридзе. Нас было не очень много, но это был коллектив профессионалов. Уверен, мы делали большое дело. Вспомнить, хотя бы, наши радиопостановки. Была такая передача «Литературный вечер радиодикторов», где каждый из нас мог взять материал для постановки по своему желанию. К счастью, эти записи сохранены в Золотом фонде. Могу сказать, что с помощью радио мы воспитывали слушателя. При этом на нас лежала огромная ответственность, нам не прощали даже незначительную ошибку.

-Но и слушатели платили вам своей любовью за профессионализм?

-Не буду лукавить. До определенного времени мы были востребованы. Однажды, у сотрудницы скончался отец. После эфира Ж.Арчвадзе и я должны были пойти на панихиду. Машины не было, и я предложил прогуляться пешком. Пока мы дошли от здания телевидения до дома на Вере, нас остановили несчетное количество раз, просили автографы, признавались в симпатиях. Да и сегодня, когда я бываю где-нибудь в незнакомом обществе, за столом, кто-нибудь обязательно скажет: «Какой знакомый голос!»

-Вы поддерживаете связь с радио или телевидением?

-Да, меня иногда приглашают читать материал, в основном, на телевидение. Озвучиваю документальное и художественное кино. Всего же мной озвучено более 60 фильмов. Помимо этого, я обучаю студентов художественной речи и режиссуре в одном из университетов столицы. Не так давно начал работать художественным руководителем в школе искусств № 26 им. А.Мачавариани, где руковожу актерским отделением, куда входят эст-

рада и драма. Возраст наших учеников от пяти до 16 лет. Многие впоследствии выбирают творческие профессии, становятся журналистами, актерами, операторами. Это очень радует.

-Как сложилась ваша судьба в кино?

-Я имел счастье сниматься, хотя и не избалован кинематографом. Еще в 50-е годы Тбилисская и Ленинградская киностудии сняли художественно-документальный фильм «Идет поколение!» о молодых железнодорожниках. С этим фильмом мы объездили все города СССР, где была детская железная дорога. Очень популярный

фильм был. Я играл также Доктора в «Последнем листке» по О'Генри, Учителя танцев в «Соломоне Исакиче Меджгануашвили» по Л.Ардазиани. Последняя моя роль в популярном грузинском детективном сериале «Кофе и пиво», где я сыграл старика-еврея, продавца ковров. Могу сказать, что я сменил много профессий, но моя мечта стать настоящим драматическим актером так и не осуществилась. Увы, как актер я не состоялся в полной мере. Очень хочу на сцену.

-Как собираетесь отмечать юбилейную дату - 65 лет?

-По правде говоря, мой день рождения уже прошел в январе. Но в связи с холодами я решил отложить свой творческий вечер на май. Интересно, что мое 60-летие друзья отметили в ... цирке. Получился очень теплый, незабываемый вечер.

-Есть ли у вас хобби?

-Люблю путешествовать. Эта привычка у меня с детства, когда во Дворце пионеров моими учителями по скалолазанию были известные А.Джапаридзе и М.Утмелидзе. Я дважды поднимался на Казбек, имею второй разряд по альпинизму. Занимался теннисом. Был учеником Д.Шаламберидзе. Когда я все это успевал? – удивитесь вы. Очень просто, раньше не было телевизора и интернета. И терять на них время не приходилось. Ну, и если чего-то очень хочешь, то обязательно все успеешь.

Нино ЦИТЛАНДЗЕ

у огонька на посиделках вновь о сказках беседем, уму-разуму набираемся. Ведь «сперва аз да буки, а там – и науки». Говорили мы о сказках про животных. Но есть и другие сказки, где действуют и люди, и животные. Это бытовые сказки, в них дана воля шутке, иронии народа. Пойманная Емелей щука сотворила чудо: ведра сами пошли с реки в избу и даже воды не расплескали. Топор сам нарубил дрова, а печь сошла с места и поехала по деревенской улице. Дурачок Емеля аж к царю во дворец попал! А как это было? Слушайте сказку.

ПО ЩУЧЬЕМУ ВЕЛЕНЬЮ

Жил-был старик. У него было три сына: двое умных, третий - дурачок Емеля. Те братья работают, а Емеля целый день лежит на печке, знать ничего не хочет.

Один раз братья уехали на базар, а бабы, невестки, давай посылать его: «Сходи, Емеля, за водой». А он им с печки: «Неохота...» - «Сходи, Емеля, а то братья с базара воротятся, гостинцев тебе не привезут». - «Ну ладно».

Слез Емеля с печки, обулся, оделся, взял ведра да топор и пошел на речку.

Прорубил лед, зачерпнул ведра и поставил их, а сам глядит в прорубь. И увидел Емеля в проруби щуку. Изловчился и ухватил щуку в руку: «Вот уха будет сладка!»

Вдруг щука говорит ему человеческим голосом: «Емеля, отпусти меня в воду, я тебе пригожусь». А Емеля смеется: «На что ты мне понадобишься?.. Нет, понесу тебя домой, велю невесткам уху сварить. Бу-

Вот и пришел первый месяц весны, март. Или, по-древнеславянски, сухой, березозол, свиствун. И непросто пришел, а «с блинами маслеными, сырами копчеными». В этом году масленица выпала как раз на первые числа марта. Масленица – древний праздник проводов зимы. В старину принято было сжигать все ненужное, что накопилось за год. Масленицу православная церковь приняла как религиозный праздник. Она названа «сырной неделей», последний день ее, накануне Великого поста, прощенное воскресенье, когда все просят друг у друга прощения. Часто на масленицу сжигают чучело зимы и призывают весну. Зима с весной ссорятся, иногда ветрами свищут, иногда солнечными лучиками стреляются. А намто что? «Волынка да гудок оберегают наш домок». Мы

дет уха сладка!» Щука взмолилась опять: «Емеля, Емеля, отпусти меня в воду, я тебе сделаю все, что ни пожелаешь» - «Ладно, только покажи сначала, что не обманываешь меня, тогда отпущу».

Щука его спрашивает: «Емеля, Емеля, скажи – чего ты сейчас хочешь?» - «Хочу, чтобы ведра сами дошли домой, и вода бы не расплескалась...» Щука ему говорит: «Запомни мои слова: когда что тебе захочется, скажи только: по щучьему веленью, по моему хотенью...» Емеля и говорит: «По щучьему веленью, по моему хотенью – ступайте, ведра, сами домой...»

Только сказал – ведра сами и пошли в гору. Емеля пустил щуку в прорубь, а сам пошел за ведрами. Идут ведра по деревне, народ дивится, а Емеля идет сзади, посмеивается... Зашли ведра в избу и сами стали на лавку, а Емеля полез на печь.

Прошло много ли, мало ли времени — невестки говорят ему: «Емеля, что ты лежишь? Пошел бы дров нарубил» - «Неохота...» - «Не нарубишь дров, братья с базара воротятся, гостинцев тебе не привезут».

Емеле неохота слезать с печи. Вспомнил он про щуку и потихоньку говорит: «По щучьему веленью, по моему хотенью – поди, топор, наколи дров, а дрова – сами в избу ступайте и в печь кладитесь...» Топор выскочил из-под лавки – и на двор, и давай дрова колоть, а дрова сами в избу идут и в печь лезут.

Много ли, мало ли времени прошло – невестки опять говорят: «Емеля, дров у нас больше нет. Съезди в лес, наруби». А он им с печи: «Да вы-то на что?» - «Как – мы на что?.. Разве наше дело в лес за дровами ездить?» - «Мне неохота...» - «Ну, не будет тебе подарков».

Делать нечего. Слез Емеля с печи, обулся, оделся. Взял веревку и топор, вышел на двор и сел в сани: «Бабы, отворяйте ворота!» Невестки ему говорят: «Что ж ты, дурень, сел в сани, а лошадь не запряг?» - «Не надо мне лошади». Невестки отворили ворота, а Емеля говорит потихоньку: «По щучьему веленью, По моему хотенью – ступайте, сани, в лес...» Сани сами и поехали в ворота, да так быстро – на лошади не догнать. А в лес-то пришлось ехать через город, и тут он много народу помял, подавил. Народ кричит: «Держи его! Лови его!» А он знай сани погоняет. Приехал в лес: «По щучьему веленью, По моему хотенью – топор, наруби дровишек посуше, а вы, дровишки, сами валитесь в сани, сами вяжитесь...»

Топор начал рубить, колоть сухие деревья, а дровишки сами в сани валятся и веревкой вяжутся. Потом Емеля велел топору вырубить себе дубинку – такую, чтобы насилу поднять.

Сел на воз: «По щучьему веленью, По моему хотенью – поезжайте, сани, домой...»

Сани помчались домой. Опять проезжает Емеля по тому городу, где давеча помял, подавил много народу, а там его уж ждут. Ухватили Емелю и тащат с возу, ругают и бьют. Видит он, что плохо дело, и потихоньку: «По щучьему веленью, По моему хотенью – ну-ка, дубинка, обломай им бока...» Дубинка выскочила – и давай колотить. Народ кинулся прочь, а Емеля приехал домой и залез на печь.

Долго ли, коротко ли, услышал царь об Емелиных проделках и посылает за ним офицера – его найти и привезти во дворец. Приезжает офицер в ту деревню, входит в ту избу, где Емеля живет, и спрашивает: «Ты – дурак Емеля?» А он с печи: «А тебе на что?» - «Одевайся скорее, я повезу тебя к царю». - «А мне неохота...» Рассердился офицер и ударил его по щеке. А Емеля говорит потихоньку: «По щучьему веленью, по моему хотенью – дубинка, обломай ему бока...» Дубинка выскочила – и давай колотить офицера, насилу он ноги унес.

Царь удивился, что его офицер не мог справиться с Емелей, и посылает своего самого наибольшего (старшего) вельможу: «Привези-ка мне во дворец дурака Емелю, а то голову с плеч сниму». Скупил наибольший вельможа изюму, черносливу, пряников, приехал в ту деревню, вошел в ту избу и стал спрашивать у невесток, что любит Емеля. «Наш Емеля любит, когда его ласково попросят да красный кафтан посулят, – тогда он все сделает, что ни попросишь». Наибольший вельможа дал Емеле изюму, черносливу, пряников и говорит: «Емеля, Емеля, что ты лежишь на печи? Поедем к царю». - «Мне и тут тепло...» - «Емеля, Емеля, у царя тебя будут хорошо кормить-поить, – пожалуйста, поедем». - «А мне неохота...» - «Емеля, Емеля,

царь тебе красный кафтан подарит, шапку и сапоги».

Емеля подумал-подумал: «Ну ладно, ступай ты вперед, а я за тобой вслед буду».

Уехал вельможа, а Емеля полежал еще и говорит: «По щучьему веленью, По моему хотенью – ну-ка, печь, поезжай к царю...» Тут в избе углы затрещали, крыша зашаталась, стена вылетела, и печь сама пошла по улице, по дороге, прямо к царю. Царь глядит в окно, дивится: «Это что за чудо?» Набольший вельможа ему отвечает: «А это Емеля на печи к тебе едет». Вышел царь на крыльцо: «Что-то, Емеля, на тебя много жалоб? Ты много народу подавил». – «А зачем они под сани лезли?»

В это время в окно на него глядела царская дочь – Марья-царевна. Емеля увидал ее в окошке и говорит потихоньку: «По щучьему веленью, По моему хотенью – пускай царская дочь меня полюбит...» И сказал еще: «Ступай, печь, домой...» Печь повернулась и пошла домой, зашла в избу и стала на прежнее место. Емеля опять лежит-полеживает.

А у царя во дворце крик да слезы. Марья-царевна по Емеле скучает, не может жить без него, просит отца, чтобы выдал он ее за Емелю замуж. Тут царь забедовал, затужил и говорит опять набольшему вельможе: «Ступай приведи ко мне Емелю живого или мертвого, а то голову с плеч сниму». Накупил набольший вельможа вин сладких да разных закусок, поехал в ту деревню, вошел в ту избу и начал Емелю потчевать. Емеля напился, наелся, захмелел и лег спать. А вельможа положил его в повозку и повез к царю. Царь тотчас велел прикатить большую бочку с

железными обручами. В нее посадили Емелю и Марью-царевну, засмолили и бочку в море бросили.

Долго ли, коротко ли, проснулся Емеля, видит – темно, тесно: «Где же это я» А ему отвечают:

«Скучно и тошно, Емелюшка! Нас в бочку засмолили, бросили в синее море». - «А ты кто?» - «Я Марья-царевна». Емеля говорит: «По щучьему веленью, по моему хотенью – ветры буйные, выкатите бочку на сухой берег, на желтый песок...»

Ветры буйные подули. Море взволновалось, бочку выкинуло на сухой берег, на желтый песок. Емеля и Марья-царевна вышли из нее. «Емелюшка, где же мы будем жить? Построй какую ни на есть избушку». - «А мне неохота...» Тут она стала его еще пуще просить, он и говорит: «По щучьему веленью, по моему хотенью – выстройся каменный дворец с золотой крышей...»

Только он сказал – появился каменный дворец с золотой крышей. Кругом – зеленый сад: цветы цветут и птицы поют. Марья-царевна с Емелей вошли во дворец, сели у окошечка.

«Емелюшка, а нельзя тебе красавчиком стать?» Тут Емеля недолго думал: «По щучьему веленью, по моему хотенью – стать мне добрым молодцем, писанным красавцем...» И стал Емеля таким, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

А в ту пору царь ехал на охоту и видит – стоит дворец, где раньше ничего не было. «Это что за невежа без моего дозволения на моей земле дворец поставил?» И послал узнать-опросить: «Кто такие?» Послы побежали, стали под окошком, спрашивают. Емеля им отвечает: «Просите царя ко мне в гости, я сам ему скажу». Царь приехал к нему в гости. Емеля его встречает, ведет во дворец, сажает за стол. Начинают они пировать. Царь ест, пьет и не надивится: «Кто же ты такой, добрый молодец?» - «А помнишь дурачка Емелю – как приезжал к тебе на печи, а ты велел его со своей дочерью в бочку засмолить, в море бросить? Я – тот самый Емеля. Захочу – все твоё царство пожгу и разорю».

Царь сильно испугался, стал прощения просить: «Женись на моей дочери, Емелюшка, бери мое царство, только не губи меня!»

Тут устроили пир на весь мир. Емеля женился на Марье-царевне и стал править царством.

Тут и сказке конец, а кто слушал – молодец.

В бытовых сказках высмеивают жадных, глупых людей, царя и его слуг. В выигрыше всегда остается простой мужик. И в этой сказке Емеля оказался умнее знатных вельмож.

Сказочники иронично относились и к лентяям, к пустым мечтателям. «Шел мужик, увидел зайца, размечтался, как поймает его, продаст, женится, детей вырастет да крикнул на радость. Заяц и убежал». Емеле, надо думать, тоже не весь век на печи сидеть придется. Только смекалистые да трудолюбивые могут царствовать. «Дело делать – долго жить, царством править, не тужить».

Мы устали от потерь...

О пять невозможно обойтись без беспомощных восклицательных знаков и молчаливых многоточий. Сказать нечего.

Ушла одна из лучших актрис Грузии. Муза и талисман Сергея Параджанова, умеющая именно одарить трагедийной ролью как катарсисом, дорогая Фувала из «Древа желания» и в то же время великолепная главная героиня русских комедий, лучшая из которых – «Ищите женщину» Аллы Суриковой.

Ее неповторимая интонация, взгляд, ее умение быть невесомой в движениях и значимой в каждом слове. А как она на сцене изображала Чарли Чаплина!

Она всегда умела быть смелой, честной и частной женщиной, способной совершать поступки – что под силу далеко не каждому человеку вообще. Она была сердцем Грузии.

Софико, великолепная Софико, мы еще долго будем искать Ваше имя на афишах, среди актеров в зале и вглядываться в пустующую сцену или стену экрана.

И пусть, пусть льется гранатовый сок, который превращается в кровь или сияние заката, где-то там обязательно обитает Ваша душа, а нам теперь обращаться на сыгранные роли и молиться. Царствие Небесное.

Инна КУЛИШОВА

*- Я плачу, как плачут сейчас все,
кто знал и любил Софико.
Низкий поклон ее памяти.*
ВИКТОР ШЕНДЕРОВИЧ

Не прошло и сорока дней после смерти Джемала Сихарулидзе как снова печальная весть.

Не стало Константина Владимировича Сурмава, заслуженного деятеля искусств Грузии, профессора Тбилисского театрального института им. Ш.Руставели, педагога, режиссера, воспитавшего не одно поколение молодых талантливых актеров.

Бескорыстный служитель Мельпомены, ученик Михаила Туманишвили, он прошел отличную школу.

«Театр – это профессия, - как-то сказал Константин Владимирович, - его делают люди, которые не могут иначе жить».

Были годы (1963-1970), когда она работала режиссером в Грибоедовском театре, а в 1964 году – главным режиссером. Его режиссура не была броской. Он не старался удивить режиссерским приемом. Главное: удачный подбор актеров и точная расстановка эмоциональных акцентов.

Кто из старшего поколения не помнит его постановок? На спектакль «Требуется лжец» Д.Псафаса нельзя было попасть. А какой был ансамбль! Наталья Бурмистрова, Мавр Пясецкий, Арчил Гомиашвили...

Счастливые совпадения творческих индивидуальностей, когда режиссер и актеры находят друг друга.

Чтобы посмотреть «Варшавскую мелодию» Л.Зорина с Нелли Килосанидзе и Арчилом Гомиашвили выстраивались очереди в кассу.

Спектаклю «Сказки старого Арбата» высокую оценку дал сам автор А.Арбузов.

Какой-то период Константин Владимирович работал на телевидении и мы с ним готовили передачу о творчестве народного артиста СССР Юрия Яковлева.

Технология кадра, монтаж, построение мизансцен в эфире давались ему с поразительной легкостью. После своего удачного телевизионного дебюта, помню, он сказал мне: «А теперь давайте сделаем передачу о Вахтангове. Юрию Яковлеву это будет приятно вдвойне».

Обычно, когда мы виделись, между нами возникали творческие диспуты. Последний раз я встретила его на 160-летнем юбилее Грибоедовского театра. Тяжело больной, он пришел увидеть своих дорогих грибоедовцев.

Наталья Бурмистрова, народная артистка СССР и Грузии:

- Когда мы приходим в жизнь, нам кажется, что она бесконечна. Но мы ошибаемся. Жизнь быстротечна. Она проносится стремительно. Главное успеть оставить после себя что-нибудь нужное и полезное людям.

Константин Владимирович был добрым, честным, талантливым человеком. Он прожил свою жизнь достойно. Честь его памяти.

Лейла Джаши, режиссер:

- Нас, старых грибоедовцев, становится все меньше. Печально...Помню, Котэ ставил пьесу М.Байджиева «Дуэль». В спектакле были заняты Отар Коберидзе, введенный в постановку после отъезда Бориса Казинца, Нелли Килосанидзе и Михаил Иоффе. Как режиссер, он точно выстраивал роль. Умел терпеливо работать с актерами, к каждому находил подход. Любил ставить камерные постановки, где обычно занято два-три исполнителя. Это было интересно и ему, и актерам.

Валентина Воинова, заслуженная артистка Грузии:

- Весть о смерти Котэ Сурмава больно отозвалась в моем сердце. Любое общение, любой контакт с ним были преисполнены смысла. Он всегда был нестандартным человеком. Мы дружили семьями.

«Люди идут в театр, ожидая сюрпризов. И потому театру всегда нужен успех». Эти слова для него были заповедью.

Репертуар он выбирал интересный. «Ведь это биография театра», любил повторять он.

Я играла во многих его спектаклях... «Дом Бернарды Альба» Г.Лорки, «Проводы белых ночей» В.Пановой, «Так и будет» К.Симонова. Это была золотая пора моей жизни.

Материал подготовила
Нелли УЗНАДЗЕ

10 лет

мы ориентируемся на развитие долгосрочных банковских отношений с нашими бизнес – потребителями, предлагаем им финансирование и услуги, необходимые для роста и успеха.

Развивайте Ваш бизнес вместе с нами! БАНК КАРТУ

Бизнес – банкинг

(Обслуживание юридических лиц)

Ссуды и кредитная линия
Карты: американ экспресс, виза и мастеркард
Операционное обслуживание
Бизнес - вклад
Бизнес чеки
Интернет - банкинг
Онлайн - банкинг
Инкассо обслуживание
Личный корпоративный банкир

Персональный банкинг

(обслуживание физических лиц)

Операционное обслуживание
Вклад
Карты: американ экспресс, виза и мастеркард
Чеки по путешествию Американ экспресс
Кредитные карты
Денежные переводы
Интернет - банкинг
(SMS) Банкинг
Автоматические переводы
Личный банкир

*მასსიათებლებიდან
ფასეულობებამდე!*

505 505

www.vtb.com.ge